

The book cover features a medieval-style illustration. In the foreground, a young boy with a sword on his back sits on a brown horse, looking towards a large bear-like creature in a forest. The creature is holding a shield and a staff. In the background, there is a wooden fence with animal skulls and a tall wooden totem pole. The scene is lit with a warm, golden light.

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Стезя и место

Отрок

Евгений Красницкий
Отрок. Стезя и место

«АСТ»

2009

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Отрок. Стезя и место / Е. С. Красницкий — «АСТ»,
2009 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-102721-6

Место и роль – альфа и омега самоидентификации, отправная точка всех планов и расчетов. Определяешь правильно – есть надежда на реализацию планов. Определяешь неверно – все рассыпается, потому что либо в глазах окружающих ты ведешь себя «не по чину», либо для реализации планов не хватает ресурсов. Не определяешь вообще – становишься игрушкой в чужих руках, в силу того, что не имеешь возможности определить: правильные ли к тебе предъявляются требования и посильные ли ты ставишь перед собой задачи. Жизнь спрашивает без скидок и послаблений. Твое место – несовершеннолетний подросток, но ты выступаешь в роли распорядителя весьма существенных ресурсов, командира воинской силы, учителя и воспитателя сотни отроков. Если не можешь отказаться от этой роли, измени свое место в обществе. Иного не дано!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102721-6

© Красницкий Е. С., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Красницкий Отрок: Стезя и место

© Евгений Красницкий, 2017

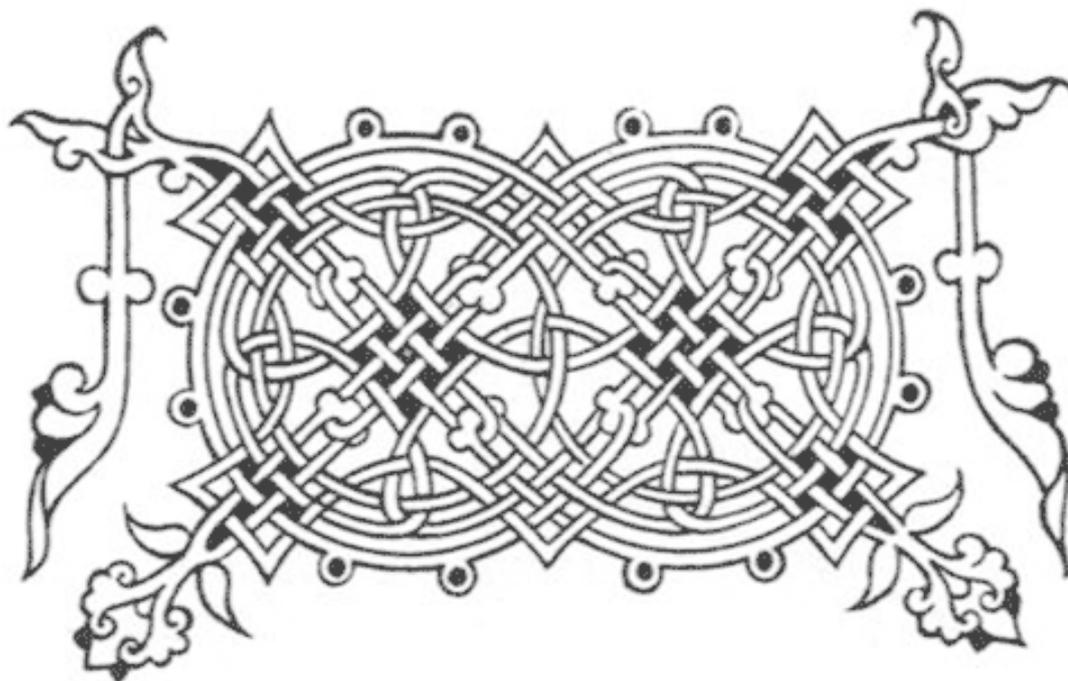
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

При подготовке этого тома к переизданию мы обнаружили значительные расхождения в текстах сохранившихся авторских черновиков и первого издания. Предлагаем читателям восстановленную полную авторскую версию книги.

Елена Кузнецова, Ирина Град

Часть 1

Глава 1

Июль 1125 года. Село Ратное.

За несколько дней до начала похода Младшей стражи на земли боярина Журавля

– Разговор у нас с тобой, Лёха, будет такой, что, конечно, за чаркой оно способнее было бы, – сотник Корней с неприязнью глянул на водруженный в центре стола кувшин с квасом, – однако дела так складываются, что не до питья нам сейчас. Кхе... но узнать, как ты себя в дальнейшем среди ратников мыслишь, мне надо до того, как речь о серьезных делах заведем. Хотя... – Корней снова глянул на кувшин и поскреб в бороде, – хотя это дело тоже несерьезным не назовешь... Ну, чего ты на меня уставился, будто не знаешь, о чем говорить хочу?

– Догадываюсь, дядька Корней: об Анюте.

Алексей не притворялся непонимающим, не прятал глаза, но так же, как и Корней, пошарил взглядом по столу и, не обнаружив никаких напитков, кроме кваса, повел плечами, словно на нем неловко сидела одежда.

Два сотника – тертые и битые мужики, повидавшие в жизни всякого и, по части воинского да жизненного опыта, если и не равные друг другу, то достаточно близкие, сидели за столом в большом доме лисовиновской усадьбы, практически копируя позу собеседника – спина выпрямлена, плечи расправлены, правая рука с отставленным локтем упирается в бедро, ладонь левой лежит на краю стола. Всего-то и разницы, что левая рука Алексея лежала на столешнице неподвижно, а Корней нервно барабанил пальцами по дереву и воинственно выставлял вперед бороду.

Ситуация была непроста – разговор явно принимал такой оборот, что от того, как он сложится и чем закончится, будет зависеть вся дальнейшая жизнь Алексея в Ратном. По

обычаю, все вроде бы ясно и понятно: разговор старшего с младшим, разговор главы семьи с побратимом его погибшего сына, который и так, вследствие обряда побратимства, считался вровень с родней, да еще и собирался усилить это родство через женитьбу на вдове побратима. Обычай давал Корнею, по сути, отцовские права и налагал на Алексея сыновние обязательства. По ситуации, тоже все было ясно и понятно – беглый и беззащитный нищий одиночка прибил к могущественному, по местным понятиям, клану и был обязан выразить почтение и подчинение главе рода.

Однако, во всей этой «ясности-понятности» присутствовало множество «но», главным из которых была сама личность Алексея. Княжий человек в немалых чинах, женатый в прошлом на боярышне и сам прошедший возле самого боярства, которого не удостоился лишь волей неблагоприятных обстоятельств; атаман разбойной вольницы, умевший подчинить и держать в узде самых, очень мягко говоря, разных людей; удачливый командир, побеждавший и переигрывавший степняков на их территории и в привычных им условиях; наконец, беспощадный убийца, сам способный оценить число своих жертв только с точностью «плюс-минус сотня». И в то же время заботливый отец, мужчина, сохранивший (или возродивший?) чувства, которые испытывал в молодости к невесте друга, наставник, воспитывающий подростков умело и без излишней жестокости, вопреки собственным заявлениям о том, что делать этого не умеет.

Как сложить из двух очень непростых зрелых мужчин пару «строгий батюшка – почтительный сын»? Как сделать его своим, не ломая, но и не дав лишней воли? Как избежать длительного противостояния двух сильных характеров, почти наверняка способного закончиться разрывом? Корней намеренно не выставил на стол ничего хмельного. Конечно, можно было посидеть, выпить, «поговорить за жизнь» и правильно понять друг друга, в чем-то согласиться, в чем-то установить границы, через которые ни тот, ни другой не будут переступать. При соблюдении разумной умеренности совместное возлияние вполне способно облегчить взаимопонимание и породить доброжелательные отношения, и оба собеседника прекрасно умели «соблюсти плепорцию», сохраняя ясный ум при ослабленной хмельным сдержанности, но... НО! Это был бы договор равных, а Корнею требовалось подчинение! Причем добровольное – без потери лица!

Ломать, пользуясь обстоятельствами, зрелого и крепкого мужчину погорынский воевода не хотел, да и было бы это непростительной расточительностью – Алексей требовался главе рода Лисовинов таким, каким он был. Допускать же даже видимость равенства, пусть даже не выражающегося открыто, пусть «всего лишь» подразумевающегося, Корней не хотел и не имел права: подчинение должно быть недвусмысленным, не оставляющим ни малейших лазеек или недоговоренностей. Ни сейчас, ни в сколь угодно отдаленном будущем у Алексея и мысли не должно возникнуть о претензиях на главенство в роду, и в то же время он должен быть предан роду Лисовинов «со всеми потрохами».

– Не об Анюте, а о тебе с Анютой! – Корней слегка прихлопнул ладонью по столу. – Она, если по жизни, давно стала своей, ратнинской – вдова десятника, пятерых детей родившая, из них двух будущих воинов, хозяйка отменная, одна из самых уважаемых баб в селе и... все такое прочее. Это по жизни. А по душе, так дочка мне родная, роднее некуда, я за нее кому хочешь...

– Я тоже! – Алексей схлестнулся взглядами с главой рода Лисовинов так, что стало ясно: в его список «кому хочешь» запросто попадает, если так сложится, и сам Корней Агеич. – А к твоим похвалам Анюте могу еще добавить: красавица, умница, умелица! Для всей Младшей стражи второй матерью умудрилась стать, девки в ее руках прямо расцветают – хоть за бояр замуж отдавай...

– Так чего ж ты хороводишься да не сватаешься?! – Корней по-бабьи всплеснул руками. – Ратнинские сплетницы уже мозоли на языках набили... Девки у них расцветают, понимаешь, а какой пример вы с Анютой тем самым девкам подаете?

– На сплетниц оглядываться не приучен! – Чем больше горячился Корней, чем жестче и напряженнее становился Алексей. – Тем более что без толку – если сейчас они о нас треплют, что, мол, несватанные и невенчанные, то, поженись мы с Анютой, будут трепать про то, как баба под венец полезла, когда у самой дочки на выданье. Этих балаболок только одним способом уговорить можно – языки поотрывать, и лучше, если б вместе с головами. Так что сплетнями ты меня, дядька Корней, не попрекай... про тебя самого да про Михайлу такое несут... а про Аньку с Машкой, среди отроков обретающихся, так и вовсе...

– Я с тобой не про сплетни, а про Анюту! – Корней, видимо сам не замечая, уже повысил голос почти до крика. – Ты мне дочку не позорь!!!

– Хватит, дядька Корней! – Алексей не изменил позы, только слегка приподнял пальцы ладони, лежавшей на столе, обозначая останавливающий жест. – Посвататься могу хоть сейчас и отказа ни от тебя, ни от Анюты не опасюсь...

– Ишь ты как! Не опасается он...

– ...Не опасюсь! – напер голосом Алексей. – Но на разговор ты меня, дядька Корней, зазвал не из-за сватовства!

– Да? А из-за чего же? – Корней саркастически покривил рот и шевельнул своим жутким шрамом, вертикально проходящим через левую сторону лица. – Поведай увечному да убогому: что ж это ты такое прозрел, мудрец всеведающий?

– До чего же вы с Михайлой похожи! – совершенно неожиданно для собеседника сообщил Алексей. – Он тоже, совсем как ты, порченой бровью шевелит, когда кого-то пугнуть надо. Только я-то всяких рож насмотрелся... Был у меня в ватаге один умелец, так он наострился лицо от головы отрубать – так и лежали рожи отдельно, занятное зрелище, я тебе скажу!

– Кхе... – неожиданный пассаж Алексея сбил погорынского воеводу с настроения. – Ты что несешь?

– То же, что и ты, дядька Корней. Ты – про свадьбу, я – про рожи, а о деле молчок. Ну, если ты не хочешь, могу я начать. Думается мне, что через разговор про нас с Анютой решил ты выведать: в чем и насколько мне доверять можно, а узнать это тебе понадобилось из-за того, что вскорости у тебя каждый надежный человек на счету будет.

– Кхе! Ну-ну, интересно, дальше давай.

– Могу и дальше. То, что вчера к тебе боярин Федор приехал, я знаю, то, что вы с ним полночи за разговором просидели – тоже. Сидели только вдвоем, тихо, и выпивки вам принесли совсем чуть, а больше вы не требовали. И спал ты после того разговора плохо и мало – вон глаза какие красные, а рожа серая. С хорошими вестями так не приезжают, значит, новости были плохие.

– Кхе...

– Дальше. Здесь у нас новости тоже невеселые. Хотели мы узнать: кто это к нам соглядатаев подсылает? Узнали. Легче от того стало? Нет, только забот прибавилось. Бунт мы подавили, легче стало? С одной стороны, легче – зубы показывать в твою сторону теперь поостерегутся, но с другой-то стороны, Михайлу теперь и взаправду Бешеным Лисом считают – вполне серьезно прозвище пристало, и не по-доброму, а со злостью величают! Я, дядька Корней, очень хорошо знаю, как это – злые взгляды спиной чувствовать, на себе испробовал. И как эти взгляды в острое железо обращаются, тоже знаю. Ну и еще: семьи бунтовщиков ты выслал, но куда делись бабы, которые Михайлу прилюдно проклинали, никто не знает. А это – не шутки, если помнишь, Пелагея поклялась обоим сыновей воинами вырастить и в ненависти к Лисовинам воспитать.

– Кхе... было дело.

– А не приходило тебе в голову, что их люди Журавля увели? Бабы-то они бабы, но не холопки же, а жены воинов – рассказать о Ратном и ратнинской сотне могут многое такое, что и соглядатаям не высмотреть. Что ж получается? Мы через Иону кое-что о Журавле узнали, Журавль через Пелагею и других баб кое-что узнал о нас. И выходит, если задуматься, что столкновение между нами и Журавлем неизбежно, а возможности его нам толком неведомы. И тут является твой дружок Федор и приносит какую-то заботу извне! Очень вовремя! Хоть пополам разорвись!

Алексей состроил вдохновенно-поэтическую мину былинника-сказителя и протяжно загнул:

– И призывает меня после всего этого воевода Погорынский боярин Корней Агеич да вопрошает: «Пошто на Анюте моей разлюбезной не женишься?» Яснее ясного: аз многогрешный воеводе надобен и ищет оный воевода привязь, которая меня возле него удержать могла бы, даже и в любой крайности. И так боярин Корней этой мыслью увлекся, что все на свете позабыл! – Алексей в упор глянул на собеседника и добавил уже обычным голосом: – Даже и то, что никакой привязи мне не требуется.

Корней криво ухмыльнулся, показывая, что оценил насмешливую язвительность собеседника, и отрицательно покачал перед собой указательным пальцем.

– То, что тебе деться некуда, еще не привязь! – невольно подтвердил он правильность догадки Алексея. – Это тебе с Саввой болезным с места стронутся трудно, а был бы ты один...

– Один?! – Алексею все-таки изменила выдержка, и он подался вперед, упершись животом в край стола. – Да пойми ты, старый... обрыдло мне одному, как зверю... Семьи хочу, дома нормального, житья человеческого!

– Ну, так женись! – снова повернул на проторенную дорожку Корней. – Будет тебе и дом, и семья, и житье человеческое, глядишь, и детишек еще прибавится. Вы с Анютой еще не старые... даже я, ветхий да увечный, сподобился, а уж вам-то!

Корней откровенно «бил ниже пояса» – с одной стороны подкидывал наживку, с другой – ставил младшего по возрасту собеседника в положение, когда по обычаю тот должен уверять воеводу Погорынского в том, что тот еще совсем не стар, мужчина в самом соку, и вообще: «ноги в этом деле – не главное». Алексей на подначку не повелся.

– Не о том говорим! – старший наставник Младшей стражи досадливо повертел головой, но сила обычая все же взяла верх. – Благодарствую, конечно, на добром слове, честь мне великую оказываешь, батюшка Корней, и без того облагодетельствован тобой непомерно, до конца дней своих молить о тебе Господа...

– Будет дурака-то валять! – прервал Алексея воевода. – Вижу же, что злишься, хоть обычай и блюдешь... ладно, хоть блюдешь, от других-то и того не дождешься. В чем дело, чем недоволен?

– Прости, что перечить осмеливаюсь...

– А ну, кончай! – Корней снова повысил голос. – Что ты кривляешься, как... как Кузька в циркусе?

Оба собеседника озадаченно умолкли – сотник, сам изумившись пришедшему в голову сравнению, Алексей, не поняв, о чем идет речь.

– Кхе... – Корней ухмыльнулся, вспоминая пребывание в Турове, и враз подобревшим голосом спросил: – Так что тебя не устраивает? С Анютой у тебя все сладилось, Савва твой к ней душой прислонился, со мной породниться, сам говоришь, честь великая, и я не спорю: зятем видеть тебя буду рад и... да чего уж там, прав ты – нужен мне человек, которому, как себе верить буду... Лавруха-то мой мякина мякиной – нет в нем братниной твердости и не будет.

Воевода запнулся и добавил уже совсем негромко:

– Эх, Михайле бы годков десяток прибавить, в отца покойного пошел... – еще немного помолчал и, тряхнув головой, словно отгоняя пустопорожние мечтания, повторил вопрос: – Так что тебя не устраивает?

– Все так, дядька Корней, – отозвался Алексей. – И с Анютой, и Савва, и честь... да только... Ну, поставь себя на мое место! Кто я? Ни кола, ни двора, сотник без сотни, погорелец беглый. Кем в семью войду, приживалкой? Женюсь или за жену выйду? Кем себя чувствовать буду, что люди обо мне говорить станут? Из милости подобрали, с бабой благополучие себе приспал?

– Сам говорил, что на сплетни наплевать...

– Это не сплетни, это моя цена в людских глазах! На всю оставшуюся жизнь! Как бы ни сложилось, что бы ни произошло, всегда найдется кто-то, кто попрекнет или усмехнется. А я ведь не стерплю – кровь пуцу. Но даже и это не самое страшное, страшнее другое – постоянно ожидать насмешки или попрека. Всю жизнь, каждый час! Ты бы так смог? И можно ли полностью доверять тому, кто вместо того, чтобы о деле мыслить, постоянно оглядывается: что обо мне подумают, что скажут? Тебе надежный человек нужен или такой, который однажды Ратное и ратнинцев возненавидит? Не боишься, что из меня опять Рудный Воевода вылезет?

– Ну, ты, Леха, страхов развел...

– погоди, дядька Корней! – Алексей уже не обозначил, а полностью воспроизвел останавливающий жест, выставив перед собой руку ладонью вперед. – Еще об одном подумай! Сам говоришь, что Анюта тебе, как родная дочь, так за что же ты так ее унижаешь – в ошейник для нужного тебе человека превращаешь? Она же умница, все понимает...

– Ну, Леха, это ты уж и совсем заехал! Унижаю, скажешь, тоже... Стезя у баб от веку такая. Ибо сказано... э-э... «Она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы». Вот!

– Ага, и «добрый перед Богом спасется от нее». Это мне-то от Анюты спастись? Не я «заехал», а ты, дядька Корней.

– Кхе!

– Ладно, хватит нам вокруг да около ходить. Мне Анюта рассказала, как ты в крайности бедственной в пастухи подался, лишь бы на подачки не жить. Я, ты уж прости, тебя не хуже, поэтому вот тебе мой сказ! Пока я сам из ничтожества не поднимусь, в зятя мне к тебе мне идти зазорно. Когда сочту себя достойным, сам приду и в ноги тебе паду, чтобы Анюту за меня выдал. От помощи не отказываюсь – не к чужим людям пришел, к семье побратима покойного, но подняться я должен сам, да так, чтобы ни у кого сомнения это не вызывало. Что же касается верности и преданности тебе, то даже и слышать о таком из твоих уст мне странно и обидно – коли мы с Фролом покойным побратались, ты можешь на меня рассчитывать, как на него самого. Всегда! Если тебе этого мало, то могу клятву на оружии принести, если же где-то в округе капище Перуново сберегается, то и на крови...

– Не надо! Верю... Не держи зла на старика, Леха, верю я тебе, иначе и не было бы у нас этого разговора. Но пойми меня и ты... Тебе ж приходилось людьми командовать, должен знать: одно дело я – Корней, отец побратима твоего, и совсем другое дело я – воевода Погорынский. Как родню, а ты, считай, родня – сына вместо, я тебя оберегать обязан, но как воевода, может так случиться, я тебя и на смерть послать должен буду. И это, сынок, са-авсем разные вещи. Но сейчас ты мне доказал, не словом, а делом: есть в тебе гордость мужская, и она тебе не даст увильнуть, если мне доведется такой безжалостный приказ отдать. Верю!

– Дядька Корней...

– Батюшка! Отныне дозволяю и велю тебе, Алексей, называть меня только так! И никаких дядек!

Алексей дернулся было подняться из-за стола, Корней тоже начал ответное движение – по всем канонам вроде бы надлежало им заключить друг друга в объятия, сыновние и отеческие, но оба, уже немолодые и не склонные к сентиментальности, устыдились своего порыва. Секундное, даже меньше, чем секундное, промедление, и все закончилось – теперь проявление чувств оказалось бы фальшивым и показным. Оба это ощутили и оба, почти одновременно сделали вид, что просто поудобнее усаживаются на лавке. Помолчали, чувствуя неизвестно откуда взявшуюся неловкость. Корней принялся массировать пальцем шрам на щеке, а Алексей, чисто машинально, вытащил из-за пояса деревянные четки – подарок сарацинского купца.

– Кхе... Это что у тебя, Леха?

– Четки. Неужели не видал никогда?

– Видал, почему не видал? Только все как-то не выходило спросить: для чего эта игрушка?

– Хорошая вещь, мне один сарацин подарил. Успокаивает, думать помогает... ты, наверно, замечал, что некоторые, когда задумаются, что-нибудь в руках теребят. Еще полезно, когда сердиться или огорчаешься сильно – так вот поперебираешь зернышки, и вроде бы легче становится. Вообще-то, они для молитв придуманы, но сарацины и другие южные люди давно пользу от четок поняли. Бывает, разговариваешь с таким, он сидит, слушает, а сам четки перебирает, и на лице ни одной мысли – спокойное, неподвижное, благостное такое. Безделица, а внутренний покой сохранять помогает.

– Понятно... – Корней протяжно вздохнул. – Эх, по чарочке бы сейчас... в самый раз для внутреннего покоя.

– Хорошо бы... – согласился Алексей и мотнул головой в сторону двери – ...так, может?..

– Нет. Сейчас Федор и Осьма подойдут, разговор серьезный будет, голова нужна ясная.

– Так ты ж, дядь... батюшка, говоришь, что у тебя от этого только ум острее делается!

– Да, говорю! – Корней расплылся в хитрой улыбке. – Но только тем, кто меня от питания удерживать пытается! А если наоборот, то и я наоборот. Жена, покойница, бывало... М-да... Слушай, Леха, пока посторонних нет, хочу тебе кое-что сказать, – он немного поколебался, но все-таки продолжил: – Мы с тобой люди воинские, и кому из нас раньше помирать доведется, одному Богу известно. Лавруха-то мякина, с воеводством не совладает... Хочу, чтобы ты мне пообещал: если меня не станет до того, как Михайла в возраст войдет, присмотри, чтобы парня не заклевали, да чтоб он дури не натворил. Проще говоря, пригляди за воеводством, но только до того срока, как Михайла повзрослеет! Обещаешь?

– Но Лавр твой наследник...

– Потаскун он блудливый, а не наследник! Это ж надо доиграться до того, что бабы шепчутся, будто он себе хрен железный выковал, да что-то с заклатьем напутал, и теперь эта оглобля ему ни днем, ни ночью покоя не дает! Или в кузне сидит, как пришитый, или на высылки усвищет – болтают, что у него там аж четыре бабы – или наклюкается, как свинья, и у Таньки прощения просит. Четвертый десяток, а вразумлять, как отрока приходится... Убью как-нибудь сгоряча.

– Это верно, что он с Анютой...

– Не суди! – Корней неожиданно громко пристукнул костяшками пальцев по столешнице. – Не смей, слышишь? Ни при мне, ни при ком, а если ее попрекнуть посмеешь... Ты сам подумай: остаться вдовой с пятью детьми и свекром немощным. Как тут мужской опоры не искать, тем более, что Лавруха с Фролом близнецы, на одно лицо? Обычай старый знаешь? Жену убитого брата...

– Знаю, батюшка, и не попрекну никогда, даже и не сомневайся ни на миг. Я о другом сказать хочу: может быть, у Лавра-то как раз из-за этого все и пошло?

– Из-за чего, из-за этого?

– Ну, было же время, когда он главой рода стал. Неожиданно, в бедствии, но не испугался – принял все на себя и справился! Ведь справился же? Ты от него, наверно, и сам не ожидал?

– Кхе... ну... Как-то ты, Леха, все повернул... А куда ж ему деваться-то было? Единственный взрослый муж в семье, бабы, детишки, да я – безногий, почти слепой, голова трясется...

– Хозяйство до разора не довел, никто в семье не умер, не занедужил, не покалечился? – Алексей так уверенно принялся перечислять признаки благополучия, словно все происходило у него на глазах. – Дети присмотрены, поле вспахано, скотина ухожена? И Анюта, благодаря ему, здоровье телесное и духовное сохранила. Так?

– Ну... как бы, так.

– А чего ему это стоило? Ты вспомни, батюшка: Фрол во всем первым был, Лавр будто в тени брата обретался. Только в кузне себя настоящим человеком и чувствовал – там-то ни ты, ни Фрол ничем упрекнуть, ничего указать ему не могли. Ведь так?

– Кхе...

– Миновала беда, и что? Доброе слово за то, что все на себе тащил, он от тебя, батюшка, услышал?

– За что? Это обязанность его была! Меня тоже никто не благодарил! При мне сотня никогда таких потерь не несла, а как я вернулся, что? Бунтом встретили!

– И заплатили головами! По справедливости. Но Лавра-то за что казнишь?

– Казню?

– Да! Пришлось Лавру принять всю семью и хозяйство на себя – принял. Не жаловался, не причитал, даже виду не показывал, что трудно ему. А потом? Все опять на круги своя! Постоянные сравнения с покойным братом! Тебе ли, батюшка, не знать, что с покойником в любви ближних соревноваться невозможно? Постоянные напоминания, что он «мякина». Это Лавр-то, который, самое меньшее, года два на себе все тащил! От Анюты дитя ждал – не дождался, от Татьяны – тоже. Его кто-нибудь пожалел? Ты оздоровел и вернул его туда, где он при жизни Фрола был! Только теперь первый во всем не Фрол, а Михайла. Ладно, жалость – она для баб, но благодарность, оценка по достоинству где? Нету! Это казнь, и не спорь!

– Ишь ты, как заговорил...

– Прости, если сгрубил, но там, где я несколько лет обретался, за такое не слова обидные говорят, а нож в спину всаживают, и грехом это не считается. Ты же сотник, боярин, воевода, неужто не знаешь, что не оценить мужа по достоинству – хуже, чем обмануть? Постоянно напоминать о недостатках, которые исправить невозможно – медленно убивать! Знаешь, почему у него любовницы не в Ратном, а на выселках? Потому, что он там, как у себя в кузнице – не чей-то брат неудачный, не «мякина», а честный и сильный муж. Просто Лавр, но для него и это в радость, потому что дома он даже просто Лавром быть не может: либо худший из братьев, либо менее любимый, чем внук. Скажи спасибо, что он только пьет да блудит, обернись иначе, не будь Лавр, как ты говоришь, «мякиной», возненавидел бы он Михайлу, потому что из него вырастает такой же живой упрек ему, каким был Фрол. И на меня бы нож за голенище наточил – из-за Анюты. Добрый он, добрый, и в этом Лавр сильнее и покойного брата и, ты уж прости, тебя тоже. Не лисовиновское это достоинство, как я понимаю, но уж чем наградил Господь, тому и радоваться надо.

Не обижайся за прямоту, батюшка Корней, и не казнишь, такое у начальных людей сплошь и рядом случается – о других помнишь, а на своих – ни сил, ни времени... Я вот своих тоже проворонил, иначе, чем ты, но... чего уж теперь. У кого жена умная, такое не слишком заметно, а ты-то вдовец – ни Лавра пожалеть, ни тебе намекнуть некому было.

Татьяна-то сначала вся в свое горе ушла, а теперь над дитем будущим трясется – не повезло Лаврухе с женой... Или так уж сложилось.

– И откуда ты все знаешь-то... Хотя, Анюта, конечно... А она-то чего молчала, если все видела?

– А ты слушать стал бы? Такое ведь только от жены или от матери... да и то, если выслушать захочешь.

– Добрый. Кхе... вот не было печали! И чего с ним, таким добрым, делать?

– Ему бы отдельно пожить, хозяином, главой семьи... Ты же, батюшка, весь новую обустроить собираешься? Ну, так поставь Лавра на это дело, ей-богу польза будет!

– Кхе! Подумать надо. Прямо Иродом меня каким-то изобразил... Отдельно пожить...

– Знаешь, батюшка, пока я семью свою не потерял, о таких вещах тоже не задумывался.

А вот пожил здесь немного да сравнил житье у Михайлы в крепости с житьем в Ратном... Не Ирод ты, конечно, но крут... Крут. А в крепости воля! Соблазн, конечно, но как людей окрыляет! На Илью смотрю и не верю, что пьяницей-обозником был. Наставники, хоть и ворчат, а сами подумывают, как семьи туда перевезти и насовсем жить остаться, хоть и не говорят прямо, но я знаю. Мальчишки – Михайла с братьями и крестниками – как будто на несколько лет старше своего возраста стали. Плава прямо-таки царица на кухне, Юлька – и не подумаешь, что всего тринадцать, – строга, внимательна, отроков в ежовых рукавицах держит. Про Анюту уж и не говорю – просто святая покровительница Воинской школы – отроки на нее чуть не молятся. Прощка собак да лошадей такому учит...

– Ну, распелся! – Корней, начавший, было, злиться при разговоре о Лавре, когда речь зашла о крепости, помягчал прямо на глазах. – Прямо рай земной там у Михайлы! Можно подумать: в Ратном ад, а я тут за главного черта...

– Не в том дело, батюшка! Просто в Ратном все заранее известно, у каждого свое место и стезя, и ничего изменить уже невозможно или очень трудно, а там каждый себя проявить может, кто к чему способен. Здесь – будь тем, кем ты должен быть, там – стань тем, кем можешь стать, вот у людей таланты и открываются. Думаешь, когда я по степи гулял, ко мне одни душегубы да отчаявшиеся люди приходили? Как раз таких меньше всех было. По большей же части либо те, кто от обыденности извечной и неизменной уходили, либо те, кого место и стезя жизненная не устраивали, потому что чувствовали в себе силы на большее. Я, когда на княжью службу вернулся, только таких с собой и забрал. Ратное закоснело, простору не дает, людям себя проявить трудно...

– Удивил! А то я не знаю! Зачем, думаешь, я бояр отселил, высылки восстановил, новую весь ставлю, крепость Михайле не только позволяю, но и помогаю обустраивать? Да Ратное, если сравнить, тот же сотник Корней, а многие ратнинцы – как ты про Лавра сказывал, им отдельно пожить только на пользу пойдет. Только нельзя было раньше. Теперь можно, но немногие это понимают.

Кем-кем, а тугодумом Корней не был никогда – идеи умел подхватывать на лету и ценность свежего, стороннего взгляда понимал отлично, а то, что перечисленные мероприятия он проводил совсем по другим причинам – дело десятое. Самолюбие требовало ответа на упрек в неправильном отношении к Лавру, и воевода продолжил мысль, на всякий случай, обозначая озабоченность возможными неприятностями: беды большие или малые, рано или поздно, все равно случаются, а потому предрекать что-нибудь «эдакое» можно, не опасаясь ошибиться.

– Крепость, Леха, если хочешь знать, такое место, что ты там как бы и в Ратном, но в то же время и на воле. Соблазн, ты прав, а от соблазнов, знаешь ли, многие беды случаются, во всем мера нужна. Я, честно говоря, думал, что не справятся – шутка ли дело, крепость на пустом месте сладить? Однако пока не скулят, и знаешь, как-то мне тревожно от этого.

Вроде бы и радоваться надо, а я все беды какой-нибудь жду – не бывает в жизни так, чтобы все удачно да гладко шло.

Позиция «ожидание неприятностей» и впрямь оказалась безошибочной, что Алексей немедленно и подтвердил:

– А ты знаешь, батюшка, что Михайла прилюдно от воеводского наследства отказался?

– Что? – новость оказалась настолько неожиданной, что Корней даже не поверил. – Как это отказался?

– Да так и отказался. Собрал всю родню, которая в крепости живет – отроков и Илью – и сказал Демьяну: «После деда Лавр воеводство наследует, а после него ты. Я тебе дорогу перебежать не собираюсь, земля велика, для меня воеводство найдется». И назначил Демьяна городovým боярином в крепости. Потом, правда, поправился и вместо «городовой боярин» слово какое-то иноземное употребил, но Илья не запомнил.

– А почему же?.. Кхе...

– Почему тебе не доложили? – угадал недоговоренное Алексей. – Ну, смотря кто тебе докладывает. Мог и не понять важности сказанного, а мог и понять, но не захотел тебя тревожить или...

– Поганец!!! – взорвался, не дослушав, Корней. – Сопляк, едрена-матрена, князем себя возомнил, бояр ставит, дела о наследстве решает! Ну, я его... Леха! Вели седлать, в крепость едем, я ему покажу городского боярина! Я ему такого...

– Какая крепость? Федор и Осьма сейчас...

– Подождут! Вели седлать, я сказал!

– Да погоди ты, батюшка Корней! Что за пожар?..

– Что? Перечить? Да я тебя самого... едрена-матрена!..

– Сотник Корней! Остыть! Подумать!

Ох, и давно же ратнинский сотник не слышал обращения к себе в таком тоне, да и кто теперь в Ратном мог себе это позволить? Только другой сотник, прошедший огни, воды и медные трубы. Даже более того: власть ратнинского сотника опиралась на традиции и правила, выработанные несколькими поколениями ратнинцев, живших во враждебном окружении, и на ввевшееся в кровь понимание: внутренние раздоры губительны, дисциплина и беспрекословное подчинение командирам – не просто норма поведения, а условие выживания.

Алексей же пришел со стороны и имел опыт командования полубандитской вольницей, когда за спиной у атамана ни традиций, ни обычаев – ничего, кроме собственного авторитета, крутизны и способности подчинить себе почти любого отморозка, а неподчинившегося убить, не задумываясь – не просто лишить жизни, а расправиться быстро и эффективно, в назидание другим. Вот этот-то сотник-атаман, отнюдь не на пустом месте заработавший прозвище Рудный Воевода, сейчас и рывкнул на Корнея. Не мудрено было и оторопеть, пусть всего на пару секунд, пусть потом обычная злость перешла уже в стадию ярости, но ярость у Корнея была холодной, иначе не выжил бы и сотником бы не стал. А холодная ярость разум не затмевает, потому что холодная ярость – это мысль, это обостренное восприятие окружающего, это ускоренная реакция...

Корней, чисто по инерции, еще прорычал:

– Ты на кого посмел?..

Однако мышцы уже напряглись, глаза хищно прищурились, руки уперлись в столешницу, готовясь помочь телу выброситься из-за стола, а искалеченная нога привычно нашла протезом устойчивое положение, чтобы после прыжка или быстрого широкого шага тело пришло на здоровую ногу.

Ничего из происходящего от Алексея не укрылось и секретом для него не являлось. Он не раздумывал, не прикидывал, что да как, не выбирал подходящий к случаю способ поведения – жизненный опыт, в сущности, не что иное, как набор готовых рецептов реакции

на те или иные обстоятельства, позволяющий не терять время на анализ ситуации и принятие решения, а действовать интуитивно, а значит, мгновенно. Сколько раз в его богатой на приключения биографии ему приходилось давать адекватный ответ либо на открытую, как сейчас, угрозу, либо на коварный выпад, не предваренный невербальным рядом вызова на поединок, либо на звериную вспышку бешенства с пустыми глазами и полным отсутствием мысли? Сколько раз?

Алексей не смог бы ответить на этот вопрос, но, если в начале пути Рудного Воеводы подобная ситуация обязательно приводила к смерти или тяжелому ранению нападавшего, и совесть Алексея после этого не мучила, то по прошествии времени он стал находить удовлетворение в том, чтобы обуздать «сорвавшегося с нарезки коллегу» без кровопролития. Сначала нокаутирующим ударом или болевым захватом, позже – правильными словом или фразой, сопровождающимися соответствующими мимикой и жестикующей, а потом – и вообще одним взглядом и скупым, но ох каким многозначительным жестом. И, сколь бы странным это ни показалось на первый взгляд, авторитет Алексея от этого только возрос – вектор от понятия «может убить» к понятию «мог убить, но не стал» направлен не вниз, а вверх, потому что для подавляющего большинства его «товарищей по оружию» мотиваций действия «мог убить, но не стал» могло быть только две: слабость – синоним трусости – или что-то непонятное, а значит, опасное. Трусом и слабаком сотник-атаман не был, а опасностью от него и так веяло достаточно ощутимо, поэтому каждый случай ее наглядного подтверждения оборачивался дополнительным ушатом воды на излишне горячие головы.

Вот и сейчас Алексею даже не пришлось удерживать себя от желания вскочить навстречу Корнею – подобное действие породило бы некую гармонию взаимного движения противников с неизбежным продолжением в виде силового контакта, как в классическом танце одно па является гармоничным продолжением предыдущего и предтечей последующего. Но как раз гармонию-то развития конфликта Алексей и научился ломать, самоутверждаясь и самореализуясь в роли Рудного Воеводы.

Собственно, на протяжении разговора с Корнеем Алексей уже дважды применил эту тактику. Один раз – в ответ на корнеевский сарказм по поводу «мудреца всеведущего» он перевел разговор на сходство деда и внука, одинаково использующих шрамы на лице. Второй раз – в ответ на «удар ниже пояса» по поводу женитьбы на Анне-старшей. Здесь Алексею ничего и придумывать не пришлось – просто отдался требованиям обычая. Корней оба раза «повелся», и, хотя во втором случае он и раскусил показное смирение собеседника, конфликтная ситуация оба раза угасала в зародыше.

Не сказать, чтобы Алексей делал это сознательно, тем более, предварительно обдумав, просто оставшись с глазу на глаз с первым лицом местной иерархии, он «на автомате» перешел в состояние Рудного Воеводы, оказавшись «между двух огней». С одной стороны, обычай и обстоятельства требовали подчинения старшему, с другой стороны, Алексей не мог позволить топтать себя. Даже во вред себе, даже перед угрозой серьезнейших последствий, не мог и все! Положение спас опыт Рудного Воеводы – Алексей, ткнув указательным пальцем в сторону Корнея, выкрикнул:

– Польза в чем?! Чего ты добиться хочешь?

– А? – Корней все еще продолжал подниматься из-за стола, но Алексей «попал в десятку» – ничего не зная о психофизиологии, сумел запустить ориентировочно-исследовательскую реакцию, гасящую эмоции с эффективностью подметки, размазывающей дымящийся окурок по асфальту.

– Какая польза будет оттого, что ты прямо сейчас туда помчишься? Ты чего хочешь: просто душу отвести, наказать сопляка или заставить его сделать что-то?

– А разница-то? – Корней шумно выдохнул и осел обратно на лавку. – Да все сразу! И выдрать, чтобы впредь неповадно было, и душу отвести и... Кхе, ну, найду, что сделать

заставить. Да чего ты прицепился-то? Драть за такое надо, драть, чтоб неделю сидеть не мог, а потом еще раз! И старшинства лишить, пусть рядовым походит, чтоб чего не надо в голову не лезло! И... избаловались вы все там: ты перечишь постоянно, девки в церковь по воскресеньям приезжают, как княжны – в новых платьях да под охраной, у здешних посикух аж титьки от зависти подпрыгивают, Илюха возгордился, паршивец – брюхо наел, пьянствовать перестал, Анька тоже... э-э... Одним словом, драть! Кхе, попа обидели, я еще тогда собирался поехать да разгон там учинить.

– Что ж не поехал-то?

– Да больно хитро Михайла устроил: выгнал-то он попа за то, что тот мой приказ исполнять не стал. Получается, что вроде и наказывать не за что... но поп-то к нему, как к родному – учил, наставлял, заступался, а он... Нет, ну каков поганец! Точно: лишу старшинского достоинства на месяц или... там видно будет. И выпорю! Тьфу на тебя, Леха, все настроение мне перебил, сейчас бы поехал да как всыпал бы...

Корней утер рукавом лоб и потянулся к кувшину с квасом – нерастраченный в двигательной активности адреналин разогрел тело, вышиб пот и организм запросил жидкости. Алексей понял, что в ближайшее время Корней горячиться уже не будет, и слегка расслабился.

– Все равно не сохранил бы настроения, батюшка. Добираться-то больше двух часов, либо остыл бы на ветерке, либо коня успокаивать пришлось бы. Конь-то у тебя хорош – настроение хозяина чувствует – разгорячился бы вместе с тобой, а когда коня успокаиваешь, то и сам успокаиваешься, не замечал?

– Не ты один в лошадях смыслишь... Все равно, увидел бы Михайлу, снова разгорелся бы! – Корней уже не злился, а просто брюзжал. – Всыпал бы... ишь, бояр он ставить будет!

– Однажды ты ему уже всыпал, мне Анюта рассказывала. Тогда он просто в лес сбежал, а сейчас? Ты можешь точно сказать, что он в этот раз выкинет?

– А что бы ни выкинул! Виноват – отвечай! Да что ж ты, Леха, сегодня мне все попереки талдычишь? Молод еще меня поучать!

– Христос с тобой, батюшка, разве ж я поучаю? Просто парень у тебя не прост. Если уж ты сгоряча в крепость не поехал, так я думаю, что и поразмыслить не грех: какое наказание выбрать да какую из этого пользу извлечь – и для воспитания, и вообще... Ты по горячности не только про нрав Михайлы позабыл, но и то, что его боярыня Гредислава воеводой своей дружины поставила. Хоть убей, ни разу не слышал, чтобы у какого-нибудь боярина воеводу выпороли! А еще непонятно с лишением достоинства старшины – от старшинства в Младшей страже ты Михайлу отрешишь, а воеводой у боярыни он останется, хренотень какая-то выходит, да еще неизвестно: как Гредислава на это все посмотрит?

– По горячности, по горячности... Помню я все! Едрена-матрена, вот чирей на заднице вырос... и не тронь его. Ты как хочешь, Леха, а без чарки у нас сегодня разговор добром не кончится – либо подеремся, либо... как ты сказал? Хренотень? Во, хренотень какую-нибудь сотворим. Пива, правда нет, вина тоже... ну что за жизнь, едрена-матрена? Меду... меду, что-то неохота. Я тут бабам велел бражки поставить, вроде бы уже должна дозреть. Будешь бражку?

– В самый раз, то, что надо!

– Ты мне голову не крути! Думаешь, если не перечишь, так я пить не стану? А вот и стану! Ну-ка, крикни там на кухне, чтобы принесли, и закусить чего-нибудь.

Первая чарка у Корнея, что называется, «пошла колом» – он закашлялся, утер набежавшую слезу и шмыгнул носом. Вторая, в соответствии с народной мудростью, должна была бы «полететь соколом», но, видать, уж день такой выдался: воевода поморщился, с подозре-

нием глянул на кувшин с бражкой и вместо традиционного «не достояла» или «перестояла» выдал неожиданное:

– А ведь ты лют, Леха, ох лют.

– М? – рот у Алексея был занят закуской, и он изобразил вопрос поднятием бровей.

– Вот так вот, наказание выдумывать – спокойно, без злости рассуждая, да чтобы побольней, да чтобы волхву ненароком не обидеть, да чтобы пользу какую-то выгадать. Бывал я у греков в Херсонесе, это их навык – все обмыслить с холодной головой, а потом – без жалости и с умением. Это, если хочешь знать, в сто раз жесточе, чем сгоряча, пусть даже и с перебором.

– Зря ты так, батюшка...

– Нет, не зря! Михайла – внук мой, – плоть и кровь. Если я ему больно делаю, то и себе так же! Анюта ему рассказывала... тьфу, баба – язык до пупа! Да, высек без меры, так потом сам чуть не помер!

– Так моровое же поветрие было...

– Э-э! Разве ж меня так скрутило бы, если б не история с Михайлой? Да-а, Леха, знал я, что жизнь тебя ушибла, – Корней сочувственно покивал головой, – но что б настолько...

– Ты о чем, батюшка?

– В истинном муже сердце гореть должно, а у тебя погасло. Ты в любом деле, как купец, все наперед рассчитываешь, умствованиями, холодным рассудком все проверяешь, а в жизни случается порой так, что непременно чувствам волю дать приходится. В узде их держать, конечно, надо, но ты-то чувства не обуздал, а удушил!

– Да если бы у меня рассудок не первенствовал, давно бы мои кости воронье по степи растащило!

– Все понимаю, сынок, и не попрекаю, а сочувствую, – Корней и впрямь пригорюнился, высматривая что-то на дне чарки, немного помолчал и неожиданно вернулся, казалось бы, к исчерпанной теме. – Ты мне, вот, про Лавра поведал. Кхе! По уму, может быть, все и верно, а по сердцу – заумь ты дурацкую нес! Да, принял на себя все семейные заботы и труды, не спорю, но КАК принял? Вздохнул да руками развел, мол, ничего не поделаешь, доля такая выпала. Возьми того же Андрюху Немого: увечный, безгласный, всю близкую родню похоронил, бабы да девки стороной обходят, вот уж доля, так доля – врагу не пожелаешь! Однако вцепился в жизнь зубами, рычит, но живет! Своего сына Бог не дал, так он Михайлу воинскому делу учить взялся... Ты, кстати сказать, не нарвись случайно – Андрюха за Михайлу и убить может.

Корней запнулся, сбившись с мысли, пошевелил пальцами в воздухе и, чтобы заполнить паузу, налил себе еще бражки. Пить не стал, а продолжил:

– Ладно, оздоровел я, начал понемногу в хозяйственные дела вникать. Но каждый же хозяин, хоть немного, но по-своему дела ведет, за два с лишком года Лавр все под себя устроил. Но хоть раз он со мной поспорил, когда я все назад возвращать стал – под свое разумение? Хоть бы слово поперек сказал! Да, поспорили бы, поругались, не без того, но я бы в нем интерес увидел, желание! Так нет же – с плеч долой и забыл, как будто по найму в чужом доме работал!

И на выселках... неправильно ты понял, Леха, причину, почему Лавруха туда таскается – он у тамошних баб утешения и жалости ищет, как малец у мамки. Если бы он с досады, что с женой не повезло или просто от избытка мужской силы, я бы понял. Поругался бы, конечно, постыдил, но понял бы! Но он же им там плачется на судьбину свою горькую, рассказывает, какой он несчастный да как его никто не понимает... А этим кобылам только того и надо: хозяйский сын, жена здоровья некрепкого, глядишь и повезет! Конечно, и приголубят, и пожалеют, и слезу над горемыкой прольют.

Страсти в Лаврухе нет! Вот у нас десятник Глеб был – тоже блудил, как кобель последний, после того, как от него невеста сбежала. Доказывал всем, и себе тоже, что не по слабости девку упустил. Доказывал – горел, рвался к чему-то, преодолевал что-то, а не плакался! Э-э, да что там говорить, даже Татьяну-то из Куньего городища Лавруха не сам выкрасть решил, а Фрол его на это дело подбил, сам бы неизвестно сколько туда б таскался, пока не убили бы или не покалечили. Мякина, одним словом.

Вот и в тебе, Леха, страсти нет, только у Лаврухи ее никогда и не было, а тебя она, надо понимать, сильно жгла, вот ты ее и удавил. Понять, конечно, можно... такое пережить, но оставлять тебя таким нельзя! – Корней единым плотком махнул чарку и выдохнул: – Исправим!

– Что-о-о?

– Кхе! Исправим, говорю! Можем! Ты еще и десятой части про Ратное не знаешь, мы тут на такое способны... Видал бы ты, какого я сюда боярина Федора привез! Вообще никакого! Все пропало, жизнь кончена, от пьянства синий весь. Ты не поверишь, в Бога верить перестал! И ничего – справились! Теперь, мужчина – хоть куда! Отец Михаил, правда, сильно помог, вот в ком страсть живет! Пламенная! Хилый, больной, ведет себя порой, как дитя несмышленное, но горит сердцем! Горит! Истинно – Христов воин! Не согнешь и не сломишь, ни смерти, ни боли, ни волхвов, ни чертей не страшится! Уважаю! Смеюсь порой, злюсь, бывает, но уважаю!

Или возьмем Сучка... ты не смейся, не смейся... Хе-хе-хе... На них с Аленой посмотреть, оно, конечно... Но! – Корней назидательно вздел указательный палец. – Ведь как овдовела пять лет назад... или шесть? Не важно – давно овдовела. С тех пор не меньше десятка ухажеров отшила. Кто просто так без толку подъезжал, а кого и до тела допускала, а конец у всех один – от ворот поворот. И хорошо, если пинком под зад отделялись или синяком на роже. Бывало, что и калитку лбом вышибали, и через забор летали, и... недавно одного так без штанов по улице поленом и гнала. А Сучок ее обротал!¹ Смешно сказать: ниже подбородка ей ростом, лысый, шепутной, скандальный, чужак-закуп, но обротал! Потому как страсть в нем есть! И не смотри, что она его щелчком убить может – он ее страстностью своей, пламенностью сердечной завсегда перебороть способен. Как поженятся... а я уверен – поженятся, скандалов да ругани будет, не приведи Господь, но жить будут счастливо и любить друг друга крепко, вот увидишь!

Корней внимательно глянул на недоверчиво ухмыльнувшегося Алексея и неожиданно выпалил:

– А тебе, Леха, на Анюте жениться пока нельзя, прав ты. Не справишься ты с бабой, тем более, с такой, как она. Страсти в тебе нет, да и она... Ты не подумай, что я со зла или еще чего-нибудь такое, но не любит она тебя – жалеет.

Ухмылку с лица старшего наставника Младшей стражи словно ветром сдуло, а Корней продолжал, словно не замечая реакции собеседника:

– Для бабы, конечно, пожалеть, почти то же самое, что полюбить, но то – для бабы, а для тебя? Ты вон, о том, что о тебе посторонние люди думать станут, беспокоишься, а что будут думать ближние? А кем ты будешь в глазах САМОГО БЛИЗКОГО человека – жены? – Корней немного помолчал, а потом заговорил уже другим, душевным, тоном: – Знаешь, Леха, жил когда-то в заморских странах один человек... мудрец и воин. Так вот он сказал однажды такую истину: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Если ты сейчас на Анюте женишься, то не ты за нее в ответе будешь, а она за тебя. Понял, о чем говорю? Согласен на такое?

¹ *Обротать* – надеть обротъ (недоуздок). В переносном смысле – подчинить своей воле.

Ответа на свой вопрос воевода не дождался: Алексей подавленно молчал, набывшись и так сжав в кулаке бронзовую чарку, что, казалось, вот-вот захрустят суставы на пальцах. Старый конь борозды не испортил! Вроде бы ничего особенного Корней и не сделал – ну, поговорили, ну, высказал один свое мнение, другой ответил, даже и усмехнуться повод нашелся, а потом – удар! В самое болезненное место – по остаткам гордости, но удар строго выверенный, не смертельный, не калечащий, а такой, как приводящая в чувство и возвращающая ясность мысли звонкая оплеуха. Алексей словно окаменел, уставившись неподвижным взглядом в стол, но Корней был уверен: его слышат, поэтому продолжил, не повышая голоса:

– И опять ты прав: надо тебе подниматься. Только не так, как ты собирался – не дом богатый заводить, не холопов набирать, не собственной дружиной обзаводиться. Духом тебе подняться надо, страсть в себе снова разжечь! Такую страсть, которая Анюту как вихрь закружит! Такую, чтобы в огонь за тобой пошла, но не спасать тебя, а только потому, что ЗА ТОБОЙ – без страха, без сомнений! Вот это и будет твоим возрождением... А остальное приложится, не сомневайся, сынок, приложится. Голову, конечно, на этом пути можно сложить запросто, но нам с тобой не впервой по краю ходить. Ведь так?

Алексей снова не ответил, только сделал непонятное движение – то ли кивнул, то ли просто опустил голову так, что не стало видно лица.

– Да не кручинься ты так, Леха, не изводи себя! Все понимаю: дал ты волю чувствам, поддался страсти жгучей, окунулся в кровь и смерть выше головы, а потом ужаснулся содеянному... Бывает... благо, жив остался и разум сохранил, обычно-то в таких делах исход известный... Кхе! Но потом-то ты в другую крайность кинулся – задавил чувства, бояться их стал, а разум-то, он – умный, умный, а дурак, без совета с сердцем такого наворотить может... Или, наоборот, упустит что-то важное. Ты, вот, к примеру, вовремя опасности не почувял...

Корней еще что-то говорил, задушевно и убедительно, по сути, правильно, но Алексей перестал вслушиваться в его речи. Лицо он спрятал потому, что ощутил острое желание ответить, в общем-то, на справедливые слова Корнея какой-нибудь гадостью, например, раскрыть сотнику глаза на истинное лицо Листвяны. Удержался с трудом и только потому, что было бы это совсем уж по-бабьи – огласить стыдную тайну собеседника, не к месту, не к теме разговора, а лишь для того, чтобы оставить за собой последнее слово. Мол, взялся поучать, старый хрыч, а на себя-то глянь...

Сдержался с трудом, чуть не смяв в сведенных судорогой пальцах бронзовую чарку, а потом вдруг ощутил что-то вроде просветления – понял, что прямо сейчас, вот за этим столом, нашлось то, что он так мучительно и безуспешно пытался осмыслить с момента своего приезда в Ратное – свои место и роль в семье Лисовинов. А через это и в жизни Ратного. Сразу же предстал в ином свете и сам Корней – сильный, властный, умный, а в то же время ранимый и беззащитный – переживающий последнюю в жизни любовь, начисто лишившую его обычной пронизательности и мудрости, и страшющийся умереть, не вырастив себе смены – внука, способного встать во главе рода.

Не только Корнею, всему Ратному не хватало Фрола – преемника и наследника сотника и воеводы. Слишком молод и несерьезен был Мишка в глазах одной части ратнинцев, слишком непонятен и необычен был воеводский внук для другой части односельчан, слишком раздражающ и даже ненавистен сделался Бешеный Лис в глазах третьей части. Силен был род Лисовинов и в будущем мог стать еще сильнее, но в случае раннего ухода патриарха этот могучий клан рисковал ослабеть и рассыпаться, оставшись без твердой властной руки. И не было, не было, не было среди глав других ратнинских родов достойной замены Корнею-Кириллу-Корзню на посту сотника.

Главное все-таки род. Сохрани и приумножь он свои силу и единство, и через два-три поколения Лисовины могут стать настолько влиятельны в Туровском княжестве, что князья будут искать их дружбы или... смерти, однако истребить такой род будет ой как не просто! Иной князь, погорячившись, может на этом деле не только Туровского стола, но и головы лишиться... В жизни всякое бывает. Нужно лишь пережить нынешнюю смену поколений, не дать слабости и равнодушию Лавра разрушить то, что создавалось Агеем и Корнеем, дожидаться, пока бразды правления родом возьмет в свои руки Михайла... Или, случись что, Демьян.

Вот место и стезя его – Алексея – зрелого мужа, умудренного жизнью и ратной наукой, допущенного к семейным тайнам, но не стремящегося занять место главы рода: хранить и оберегать род Лисовинов, пестовать и защищать старших внуков, которые в свое время поведут род к новым высотам силы и влияния; заменить собой погибшего побратима Фрола, заботиться о его семье так, как заботился бы он сам.

Прямо сейчас, в тот миг, когда Алексей удержал в себе злые и обидные слова, способные поразить Корнея не слабее острого железа, бывший Рудный Воевода ступил на этот путь и тут же понял, что перестал быть бездомным бродягой, принятым в чужой семье из милости.

Не-ет, не кончилась жизнь и не угасла страсть, есть к чему приложить разум и сердце, потому что не из жалости и милосердия примет его род Лисовинов, а потому, что он НУЖЕН! И с Анютой теперь все по-иному сложится: когда муж твердо знает свое место и стезю да уверен, что хватит ума и сил, чтобы справиться, он и с женщиной себя иначе ведет, да и она иначе к нему относится...

– Да что ж ты понурился-то так, сынок? – продолжал, между тем, «журчать» Корней. – Ну-ка, подвинь чарку, плесну тебе.

Алексей, вместо того чтобы подставить чарку, поднялся из-за стола, полоснул по Корнею вдруг обретшим кинжальную остроту взглядом и склонился в глубоком поклоне.

– Благодарствую, батюшка Корней Агеич! Мудр ты и добр – разрешил сомнения мои, указал место и стезю на всю, сколько Господь отпустит, оставшуюся жизнь. Место и стезю, кои честному мужу принять на себя не только не зазорно, но за честь и в гордость почитать надлежит.

Алексей прервался и зашарил рукой по груди, а Корней, уже все поняв, все же приподнял в деланном удивлении брови и поинтересовался:

– И что ж за стезю ты себе измыслил?

– Служить! – не замедлив ни секунды, отозвался Алексей. – Хранить и оберегать род Лисовинов, всячески споспешествовать росту его силы и могущества, пресекать внутренние раздоры и противостоять внешним угрозам. Связать жизнь свою, до конца дней, с жизнью рода, ни в чем и никогда не разделять их, ставить пользу рода Лисовинов превыше любой другой пользы и выгоды... – Алексей выпростал из-под рубахи нательный крестик. – И на том целую крест! Да поможет мне в сем Господь Бог, да укрепит и направит меня на сем пути!

– Аминь! – подхватил Корней, одновременно с Алексеем осеняя себя крестным знаменем.

Вот теперь и отеческие объятия стали совершенно уместными, и бражка пошла гладко, и разговор полился свободно, без напряжения. Корней объяснял, как пришел к идее создания Военной школы, оценив великую пользу просветительских усилий отца Михаила, а Алексей, подтверждая корнеевские мысли, рассказывал, как сначала учился сам, а потом учил других хитростям порубежной службы.

Корней слушал, отвечал, рассказывал, а сам втихомолку радовался тому, что в очередной раз сработал один из его хитрых приемов – вбросить ненавязчиво мысль, а потом гонять

разговор вокруг да около, постепенно и незаметно подталкивая собеседника к самостоятельному принятию нужного решения. Для этого, правда, требовалось сделать такое простое дело, как понять суть, основную черту характера собеседника, но Алексей Корней стал понятен почти сразу по приезду в Ратное: побратим покойного Фрола был служакой. Не таким, который точно и без рассуждений выполняет приказ «от и до», а таким, который, поняв основную идею, предпочитает действовать далее самостоятельно, добиваясь нужного наиболее подходящим по его разумению способом.

Вот как раз с идеей-то у Алексея и не заладилось. Сначала рухнула простая, в общем-то, понятная любому человеку идея карьерного роста и семейного благополучия – сгорела в пламени, пожравшем усадьбу боярина Арсения Вара. Потом изжила себя идея мести половцам, оставив в душе пустоту и ощущение бессмысленности существования. Потом, когда пустота в душе только-только начала вновь заполняться нормальными человеческими чувствами, растоптанной оказалась вера в справедливость и взаимные обязательства вассала и сюзерена. Остался только инстинкт зверя, уносящего от погони израненного детеныша. Если бы не Савва, так и не увидели бы Алексея в Ратном, собрал бы Рудный Воевода новую ватагу, да не на половцев, а на князя Ярополка Владимировича Переяславского. До самого князя, конечно, не добрался бы, но людишек его проредил бы изрядно, прежде чем самому сгинуть.

Пришел Алексей с Саввой туда, куда и следовало – и приняли, и поняли, и посочувствовали... но что дальше? Разумеется, не выгонят и куском не попрекнут, но... как и кем войдет Алексей в семью Лисовинов? И вот решилось! Алексей, с одной стороны, ощутил себя нужным и важным, с другой – нашел опору – род, который не бросит и не предаст, будет защищать Алексея так же, как Алексей будет защищать его. И не через женитьбу войдет он в семью, а через принятие на себя обязанностей и обязательств убитого побратима.

Этого-то Корней и добивался – подчинения без принуждения, самостоятельного осмысления Алексеем собственной нужности, даже необходимости, начисто снимающей все сомнения и беспокойства «приемыша». Собственно, целование креста в глазах Корнея уже было простой формальностью; гораздо более показательным для него стало то, как Алексей заинтересованно, отнюдь не с позиции стороннего наблюдателя, обсуждал характер и поступки Лавра и его взаимоотношения с отцом – о чужих так не говорят, о нестроениях в чужой семье так не рассуждают.

Глава 2

Июль 1125 года. Село Ратное

За несколько дней до начала похода Младшей стражи на земли боярина Журавля

– Э-э! Да здесь пьют! – раздался от двери голос боярина Федора. – А почему без нас?

– А ты бы, Федор, еще дальше гулял, – отозвался Корней, – вообще бы все выпили, и тебе не осталось бы. Проходи, садись, наливай, и ты, Осьма, тоже.

– Благодарствую, хозяин, что празднуем-то? – вежливо поинтересовался Осьма, деликатно, с соблюдением дистанции, устраиваясь рядом с боярином Федором, севшим по правую руку от Корнея, и оставляя свободной левую сторону стола (мало ли, подойдет кто-то из родственников – сядет на законное место по левую руку главы семейства). Впрочем, едва сев на лавку, он тут же вскочил и, обозначая свой самый низкий статус среди присутствующих, принялся разливать бражку по чаркам, в соответствии со старшинством: Корнею, Федору, Алексею. «Обслужив вышестоящих», купец демонстративно коснулся доньшком кувшина столешницы, и только потом налил бражки себе.

Потихоньку обживаясь в Ратном, но чувствуя себя в воинском поселении не очень уверенно, Осьма скрупулезно соблюдал все старинные обычаи – ритуал есть ритуал, выручит практически в любом случае, когда опасаясь совершить неловкость или глупость, а репутация человека, свято блюдуемого «старину», в замкнутой общине расценивается не как недостаток, а как достоинство. Во всяком случае, невежеством не попрекнет никто. Меру в этом вопросе Осьма умудрялся соблюдать столь тонко, что даже слово «хозяин», при обращении к Корнею, звучало не как свидетельство подчиненного положения, а как титул владельца обширного и богатого хозяйства, в устах купца означающий свидетельство глубокого уважения без урона собственного достоинства.

– Какой праздник, Осьма? – спросил Корней, одобрительно наблюдая за манипуляциями с кувшином. – Так, для гладкости разговора употребляем. То да се, дела семейные...

– Семейные? – Осьма проницательно глянул на Алексея и, приподняв чарку, спросил: – Так что, можно поздравлять?

– Кхе! Поздравлять? – отозвался вместо молча ухмыльнувшегося Алексея Корней. – Можно и поздравлять... только не с тем, о чем ты подумал!

– Э-э... – Осьма смутился, припоминая про себя, что торопливость нужна только при ловле блох и еще в одном, сугубо интимном, случае, и вопросительно уставился на господина воеводу.

– М? – Боярин Федор, приподняв левую бровь, тоже глянул на друга юности.

– Алексей... Кхе... Дмитрич сегодня роду Лисовинов крест целовал! – не стал интриговать присутствующих Корней. – И я сие целование принял! А кровь Алексей и Фрол уже давно смешали, так что... сами понимаете... есть за что выпить!

– А как же?..

Осьма чуть не спросил: «А как же Анна?», но вовремя прикусил язык, однако Корней понял недоговоренное:

– Не мне крест целовал, а роду! – с нажимом произнес он. – Теперь у Лисовинов опять двое зрелых мужей тридцати с лишком годов, и им есть кого воспитывать, а даст Бог, и еще прибавится, так что за будущее я спокоен!

Все взгляды скрестились на Алексея, и на несколько секунд в горнице повисла тишина. Алексей не смутился, не отвел взгляд, не стал изображать польщенного доверием скромника, а глянул на каждого по очереди спокойно, уверенно, даже с некоторым вызовом, и тут же

нарвался – боярин Федор на посольской службе да при великокняжеском дворе научился читать любые взгляды. И отвечать на них тоже научился.

– Так что ж ты на нижнем конце притулился, как чужой? – рыкнул он начальственным басом. – А ну-ка!..

Погостный боярин повелительно мотнул головой, указывая Алексею место, которое тот должен был теперь занимать за столом, и столько в этом жесте было уверенности в своем праве повелевать и указывать, что никому и в голову не пришло усомниться или удивиться. Алексей безропотно поднялся с лавки и занял место по левую руку от Корнея, столь предусмотрительно оставленное свободным Осьмой. И возразить было нечего – позиция «глаза в глаза», естественная и логичная при предыдущем разговоре с Корнеем, стала совершенно неуместной для представителя второго поколения семьи Лисовинов в присутствии главы рода.

– Так! – Федор, настроившийся на командный тон, так дальше ему и следовал. – Осьма, осталось там еще чего?

– На один круг хватит! – отрапортовал Осьма, заглянув в кувшин с бражкой.

– Вот и ладно. Значит, сейчас это допиваем и займемся делом! – принял решение Федор. – Разговор у нас будет серьезный, от хмельного надлежит воздержаться. Наливай!

– Кхе! – Корней одной рукой двинул поближе к Осьме чарку, а другой молодецки расправил усы. – Витиевато излагаешь, Федя: «От хмельного надлежит воздержаться. Наливай!» Я прямо заслушался!

– От судьбы не уйдешь, а умеренность в питье воздержанию не помеха! – философски парировал Федор. – Ну, Кирюша, с сыном тебя... или все-таки с зятем?

– Сын – сыном, а зять – зятем! Я же сказал: в роду Лисовинов прибавление!

– Хороший зять он, бывает, и не хуже... – дипломатично заметил Осьма – ... если повезет.

– Так то – хороший... – раздумчиво произнес Федор, вспомнивший об обручении младенцев Михаила и Екатерины.

– А плохих не держим! – заявил Корней с таким видом, будто располагал целым взводом зятьев, один другого краше. – И впредь держать не намерены!

Возражать никто не стал. Выпили... закусили. Осьма высунулся в дверь и крикнул, чтобы пришли прибрать со стола.

– Значит так, други любезные, – начал боярин Федор, дождавшись, пока уберут посуду, – новости у меня не то чтобы скверные, но к серьезным размышлениям располагающие, у вас тут, как я понял, тоже забота образовалась такая, что сразу и не разгребешь, потому обмыслить и обговорить все надлежит не торопясь и со всем тщанием.

Был я на днях по делам в Давид-Городке и встретил там одного знакомого, а тот как раз из Городно вернулся, и вот какую интересную историю он мне поведал. В Городно, на постоялом дворе увидел он служилого человека князя Святослава Витебского, вернее не самого княжьего человека, а конюха его. Совершенно без всякой задней мысли поинтересовался, чего это его хозяина в Городно занесло? Ну, ответил бы тот, что, мол, по делам заехали, а по каким делам, про то конюху знать незачем, знакомец мой и отстал бы – мало ли кто, куда и зачем ездит? Но конюх-то в ответ на простой вроде бы вопрос какую-то околесицу понес, что ехали они вовсе и не в Городно, да друзей по пути повстречали, да вместе с ними и завернули, а тут решили князя Всеволода Давыдовича Городненского навестить. Ну, и прочее... в том же духе.

Взяло тут моего знакомого сомнение – он-то с Городно торговлю ведет, мало ли что, а вдруг что-то серьезное затевается? Поташил он того конюха в кабак да подпоил как следует, у того язык и развязался. Много-то, конечно, конюху не известно, но и того, что выболтал

во хмелю, хватило. Вышло с его слов, что друзья, которых они по дороге как бы случайно встретили, на самом деле ближние люди князей Бориса Полоцкого и Рогволда Друцкого. А дальше еще интереснее пошло: оказывается, в это же время в Городно какие-то ляхи притащились и с доверенными людьми полоцких князей встречались, да какие-то разговоры разговаривали. Чуете, чем пахнет, други любезные?

– Кровушкой от таких встреч попахивает, кровушкой! – прокаркал со своего места Корней. – Очень крепко попахивает.

– Гм... прости, боярин, но я от здешних мест далеко жил, – подал голос Алексей. – Вам-то, может быть, все и понятно, а мне так не очень... поподробнее бы.

– Поподробнее? – переспросил Федор и согласно кивнул – Хорошо. Про то, что отца нынешних полоцких князей – князя Всеслава – Мономаха в Киев в цепях вывез, ты слышал?

– Ну, это давно было... И Мономах уже умер.

– Кхе, Леха! – опять встрял Корней, – да как бы давно это ни было, обида-то у сыновей на Мономахов род сохранилась! Такое не прощается...

– Погоди, Кирюш, – остановил Корнея Федор. – Про то, что промеж Киевом и Полоцком мира нет, не помню уж сколько времени, ты тоже должен знать, а про два больших похода Мономаха на полоцкие земли, один девять лет назад, другой шесть, ты слышал наверняка.

– Слышал, – согласился Алексей. – Но также слышал, что ни разу, ни одной сколько-нибудь серьезной сечи полочане не выигрывали. И от Минска в последний раз одни головешки остались, да и другим землям досталось изрядно. Неужто повторения не боятся?

– Все же, сомнительно, – добавил Осьма. – Всеволод Городненский на Агафье, дочери Мономаха, женат – сестре нынешнего великого князя Мстислава. Не должен он против родича идти. И еще непонятно: ляхи тут с какого боку-припеку?

– Против родича, против родича... – недовольно пробурчал Федор. – Да Рюриковичи все промеж себя родня, а хлещутся так, что только шмотья во все стороны летят! Вон как Олег Новгород-Северский родного дядю от Чернигова до Муром гонял! Никакое родство не помешало! И еще: Городно живо только защитой Полоцка – еще ста лет не прошло с тех пор, как городненские земли ятвягам принадлежали. Если б не Полоцк, так бы ятвяги и дали на своей земле город поставить!

Про Минск ты, Алексей, верно вспомнил, но только был тогда еще и Друцк, а его на щит взял Вячеслав Владимирович, нынешний Туровский князь. Теперь понимаешь, какой счет у Всеславичей к Мономашичам накопился?

– Все равно! – уперся Осьма. – Ляхи-то здесь причем?

– Ляхи? – Федор повертел головой, словно ему стал вдруг тесен ворот. – Да у них сейчас в северо-восточных землях по несколько дней пути живой души не сыщешь! То король Болеслав крамолу огнем и мечом искоренял, то пруссы набегами изводили... Болеславу сейчас не до восточных земель, он Поморянию под себя подгребает да латинскую веру там насаждает, вот и придумал наделять верных ему воинских людей землями к востоку от Вислы, но с условием, что заселять свои уделы они станут сами. Где людишек брать? А у соседей! Тем паче, что время удобное.

– Ну уж и удобное! – не сдавался Осьма. – Кто же в августе-сентябре воюет? Поля уже сжаты, но на огородах работы еще почти до октября. Холопов брать невыгодно – до новин целый год кормить, а нынешний урожай не вывезешь, он еще в снопах, не обмолочен. А потом распутица начнется... нет, с тем, что встреча в Городно ничего хорошего не сулит, я согласен, но раньше зимы ничего быть не должно, а к тому времени Мономашичи из Степи вернутся...

– Это если в набег идти, а если на захват земель? – перебил Осьму Корней. – Мстислав Киевский с братьями в степи, половцев в разум приводит. Оттуда, возможно, пойдут на Чернигов или на Новгород-Северский – Ярославичам мозги вправлять, чтобы на Киев не

зарились. Вернутся не скоро, хоть и с добычей, но уставшие, побитые, пораненные. Дружинам отдых нужен будет.

Самое время полочанам попытаться взять Пинск, Туров, Слуцк, Клецк, Мозырь, другие города. Пока Мономашичи из степи вернутся, распутица начнется, значит, придется ждать, пока реки встанут. Это – месяца три, если не больше. За такое время можно и укрепиться на захваченных землях, и подати собрать – хлебом, мясом, фуражом. Бояр-вотчинников на свою сторону перетянуть. Поди, тогда, выковырай их!

– М-да, это я как-то не подумал, – Осьма досадливо поморщился. – Но тогда... мать честная! Какие бояре-вотчинники? Да там – севернее Припяти – чуть не в каждом городе князя Святополчичи сидят: в Пинске – Изяслав и брат его Брячислав, из Турова выгнанный, в Клецке – сын Ярослава Святополчича... как бишь его...

– Вячеслав Ярославич, – напомнил Корней, многозначительно переглянувшись с боярином Федором, – да там же и мачеха его Елена с сыном Юрием.

– Вот-вот! – Осьма согласно покивал головой. – Им же от Мономашичей добра ждать бесполезно и... знаете что? Да наверняка же к ним подсылы от полоцкого князя приедут, если уже не приехали! Посулят им уделы не в кормление, а в княжение, и... не удержатся они, согласятся!

Федор с Корнеем снова мрачно переглянулись, и погостный боярин едва заметно отрицательно повел головой, показывая, что разговор о Вячеславе Клецком продолжать не стоит. Корней в ответ согласно прикрыл глаза.

– Так! – боярин Федор оглядел собравшихся, снова собирая на себя внимание. – Насчет захвата полочанами Турова, ты, Кирюша, пожалуй погорячился, а вот все, что севернее Припяти: Пинск, Клецк, Слуцк и прочее – да! Опасность явная и близкая! Сговор... гм... Святополчичей с полоцкими князьями – тоже. Привлечение к этому делу ляхов... ну, Мономах, когда Полоцкое княжество громил, тоже с собой половцев из Степи приводил, так что... понятно, в общем. Давай, Кирюша, думать: что мы всему этому противопоставить можем?

– Кхе... ну ты сказанул! Что ж мы можем? Известие послать в Туров, а они уже пусть в степь гонцов посылают. Без Вячеслава Владимировича с братьями тут не справишься.

– Гонец в Туров – моя забота, и это уже сделано, – Федор построжел лицом. – А твоя забота – оправдать свое воеводство! Если князь в отлучке, то... Туды тебя, Кирюха, кто еще из туровских бояр от Вячеслава гривну золотую получил? – Федор, внезапно ощерившись, грохнул по столу кулаком. – Повинен отслужить!

– Но, но... уймись, Федька! – окрысился в ответ Корней. – Ишь, расстучался! Не отказываюсь я, да только что с неполной сотней сделать можно? А тут еще сосед вылупился... тоже, чего ждать, не знаешь. Не отказываюсь я! – воевода Погорынский жестом остановил Федора, уже открывшего было рот для ответа, и пояснил: – Неверно ты спросил Федя: «Что мы можем?» Сначала надо решить, что делать надо, а потом уже думать, сможем или нет? Только не говори мне, что, мол, надо Бориса Полоцкого с братьями и ляхами остановить – глупость это. И не говори, что упредить их надо да поодиночке отлупцевать – тоже глупость. Мы сейчас слабее полочан, а значит, думать надо не о том, что нам хотелось бы, а о том, что они хотят и как это их желание сделать недостижимым.

Первое наше преимущество в том, что мы об их замыслах узнали заранее и можем подготовиться. Второе наше преимущество в том, что у них времени мало – управиться надо до осенней распутицы, а начать они смогут, я думаю, не раньше конца августа, а то и начала сентября. На все про все у них будет месяц-полтора. Заставим их промедлить – сорвется весь замысел. Вот теперь можно уже рассуждать: сможем или не сможем?

– Заставить промедлить... – Федор немного помолчал, раздумывая, – сможем ли? Я так понимаю, что все будет зависеть от того, сдадутся ли заприпятские города сразу, или сядут в осаду? Так, Кирюш?

– Так, Федя, так. Осада дело долгое, а если под осенними дождичками, да в грязюке... да если сзади кто-то постоянно в спину бьет, но в открытый бой не вступает... Ох, несладко им придется.

– То есть ты берешься не давать осаждающим покоя, мешать тем, кто будет собирать в округе еду и фураж, не давать ходить в зажитье?

– Какое зажитье, Федя? Они же не в набег придут, а на захват, разве ж можно вотчинников да смердов против себя настраивать? Еще раз повторяю: в суждениях нам должно опираться на их желание, а не на свое! Их желание – занять города и земли севернее Припяти и привлечь на свою сторону местное боярство... ну и Святополчицей тоже. За все города не скажу, а если Пинск в осаду сядет, я полочанам ни округу под себя прибирать, ни осаду правильно вести не дам. Но это – если перед Борисом Полоцким Пинск ворота не откроет. А вот как устроить так, чтобы ни Пинск, ни другие грады ворот не открыли, я не знаю, это, Федя, твой промысел, твое искусство. Сможешь?

– Гм, непросто будет, Кирюш...

– Кхе! А я и не говорю, что просто! Но я-то тебя, Федюша, не спрашиваю, как мне осаду Пинска сорвать? Тоже, между прочим, не игрушки...

– Ох, и язва же ты, Кирюха! – пробурчал Федор.

– Еще какая! – жизнерадостно подтвердил Корней. – На том и стоим, Феденька!

Оба расплылись в улыбках, хотя тема разговора к этому вроде бы не располагала – похоже было, что этот обмен репликами повторяется между Корнеем и Федором не первый раз и напоминает обоим какой-то случай из молодости.

– Батюшка, – напомнил о себе Алексей, – мне кажется, вы о ляхах позабыли...

– Помним, Леха, помним... А чего ты сказать-то хочешь?

– Да вот, не сходится у вас с боярином кое-что. Ты говоришь, что полочане к северу от Припяти укрепиться хотят и местных из-за этого обижать поостерегутся, но раньше был разговор о том, что ляхи сюда за холопами придут. Не сходится, если только их не собираются на южный берег Припяти напустить, но если так, то нам и здесь куча дел найдется, под Пинск идти окажется некому...

– Кхе, верно мыслишь, Леха, но неправильно!

– Как это, батюшка? – совершенно искренне изумился Алексей: метод аргументации, используемый Корнеем, способен был поставить в тупик кого угодно. – Или я что-то...

– Да, нет, все верно, Леха, только местные-то бояре на что? С князем Вячеславом они в Степь не пошли? Не пошли. Значит, свои земли защитить обязаны сами, да и Туров прикрыть... хотя на Туров ляхи вряд ли пойдут, им бы пограбить да смыться с добычей. Городки, что восточнее Горыни стоят: Хотомель и Давид-Городок – им, пожалуй, тоже не по зубам будут, возиться долго, а те, что западнее Горыни – Дубенец, Столин... нет, туда тоже не ползут – на эти городки Андрей Волынский уже давно посматривает, он-то с братьями в Степь не пошел. Воспользуется поводом, явит из себя защитника и спасителя, да как накостыляет ляхам, а городки – себе!

Значит, пойдут ляхи мимо городков, по селам и весям. Вот тут-то туровское поместное боярство в самый раз и пригодится. Конечно, хорошо бы их всех под единую руку собрать, а то ведь каждый свое имение защищать будет, а вольных смердов да княжки села побоку. Нету среди них такого, чтобы остальные под его руку встать согласились – гордыня, спесь...

– А ты, батюшка? Все-таки воевода...

– А! – Корней лишь раздраженно отмахнулся. – Я для них худородный. Может быть, княгиня Ольга кого-нибудь из Турова пришлет... да кто там есть-то? Если кого-то и оставили с малой дружиной стольный град стеречь, так они за стены ни ногой, а больше и нет никого, одни старики.

– А сюда ляхи завернуть не могут? – осторожно поинтересовался Осьма.

– Кхе! В наши-то дебри, не зная дороги? Если только на ладьях по Горыни да по Случи, но откуда у них ладьи?

– Из Пинска, из Слуцка, с Припяти! – уверенно перечислил Осьма. – Сейчас многие купцы собираются хлеб скупать, потом повезут либо на юг – к грекам, либо на север – в Новгород, там всегда на хлеб спрос, всегда с выгодой продашь, хорошим товаром загрузишься и до ледостава домой вернуться можно успеть. Самое время.

– Ляхи не нурманы! – тут же возразил Корней. – Это тем поход без ладей – не поход, а идти в набег, точно не зная, добудешь ладьи или нет, дураком надо быть.

– Ну, не скажи, Кирюш, рассчитывать можно двояко: если найдутся ладьи – так, а не найдутся – сяк. Во всяком случае, ладейный поход и ладейная рать для ляхов не тайна, есть и среди них умельцы. Другое дело, найдутся ли такие умельцы среди тех, кто к нам пожалует? Многое от воеводы зависит, да от количества людей, ладейный навык имеющих. Этого мы заранее знать не можем...

– Какой воевода? – перебил Федора Корней. – Ты сам подумай: люди из разных мест собрались, друг друга плохо знают – раз. Никого из нарочитых людей Болеслава с ними наверняка не будет – два. У каждого только одна мысль – хапнуть поболее да уйти с добычей, чтобы потом осильнуть да побольше землицы под себя подгрести. А остальные-то – будущие соседи его, кому охота в соседях более сильного иметь? Ты погоди, они еще на обратном пути промеж себя хлестаться начнут, добычу отнимать.

– Не согласен! – уверенным голосом возразил Алексей. – Заранее противника глупцом считать – битым быть. Так что, давайте-ка думать, что дураков среди ляхов не будет, а если найдутся, то немного. Все, что ты, батюшка, сейчас сказал, они и сами прекрасно понимают, и о гибельности раздоров в таком деле им известно. Единогo воеводу, конечно, они себе не выберут, но в малые дружины, вокруг сильных воинов или вокруг нескольких человек, давно друг друга знающих, соберутся обязательно. Одна или несколько таких дружин могут и ладьи добыть попытаться – и добычу легче увести и дороги-тропинки по лесам искать не придется. От погони, случись такое, тоже и отбиться, и уйти по воде легче.

– Так говоришь, будто уже приходилось... – боярин Федор в упор уставился на Алексея. – Или доводилось ватажничать?

– Доводилось, – Алексей тоже уперся взглядом в погостного боярина. – И ватагу собирать, и ладьи перехватывать, и спасаться на ладьях. Всякое бывало. И вот, что я вам скажу: если в Городно несколько ляхов приезжало, то можете считать, что это и были воеводы тех самых малых дружин. И еще добавлю: если мы этих ляхов с добычей выпустим – мира на рубежах с мазурскими землями нам впредь не видать! Каждый из этих командиров дружин сядет на какой-то округе князьком, а дружинников своих поверстает в свои бояре... И тогда только держитесь – начнут к нам по проторенной дорожке шастать раз за разом. Весь порубежный край запустошат.

– И где ж это, Кирюша, твой будущий зять, – боярин Федор недобро прищурился, – всему этому обучился? Прямо, как будто сам...

– На рубеже он служил, – торопливо перебил Корней, – днепровские пороги стерег, оттуда и про ладьи знает, и про...

– Рудный Воевода я, боярин, – не дал закончить Корнею Алексей, – слышал, наверно? Так вот это я и есть...

– Леха!.. Кхе! – Корней сообразил, что одергивать Алексея уже поздно и обернулся к Федору. – Да, так! Чего уставился, как на чудо-юдо? В жизни по-всякому случается, и не тебе судить...

– Вот именно, что по-всякому! – в голосе погостного боярина отчетливо прорезались официальные ноты. – А уверен ли ты, боярин Кирилл, что его... – Федор мотнул головой

в сторону Алексея... – бирючи с лобных мест уже не окаяли², награду за его голову не посулили и за укрывательство кару не пообещали?

– Ты чего несешь, Федька?

– Да как у тебя совести хватило, – Федор, не обращая внимания на Корнея, обличающе выставил указательный палец в сторону Алексея, – такую беду близким тебе людям за собой приволочь? Ты хоть знаешь, какие разговоры о тебе по городам и весям идут, какие вины тебе приписывают, сколько злодейств, твоим именем прикрываясь, разные тати совершили? И даже если ты не окаян и не в розыске, то, что князь Вячеслав Туровский подумает, когда узнает, что воевода Погорынский у себя Рудного Воеводу пригрел?

– Примерно то же самое, – совершенно спокойным голосом отозвался Алексей, – что и тогда, когда узнает, почему ты, боярин, с батюшкой в гляделки играешь, когда речь о Вячеславе Клецком заходит. Говорите-то о Пинске, а в голове у вас Клецк. Думаешь, не нашепчут Вячеславу Владимировичу о твоём, батюшка, родстве с Вячеславом Ярославичем? Не найдется доброхотов? И это при княжеском-то дворе?

Корней и Федор впились глазами в Алексея, а Осьма несколько раз перебросил цепкий взгляд с бояра на бывшего Рудного Воеводу и обратно. О чем конкретно идет речь, ему было неизвестно, но, услышав о родстве Корнея с одним из Рюриковичей, он сразу же насторожился – игры, похоже, намечались очень серьезные, примерно такие, из-за которых ему и пришлось прятаться в погорынской глухомани от Юрия Суздальского.

– Беду я за собой не притащил, – продолжал Алексей, – если кто и мог бы меня искать, то только переяславский князь Ярополк, да и то навряд ли. Но Ярополк считает меня мертвым – друзья мои позаботились, пустили слушок и даже кое-какие доказательства подкинули. То же, что я в бытность Рудным Воеводой натворил, мне прощено, если было что прощать – я после того в княжьей службе был в достоинстве сотника рубежной стражи.

Вы же, бояре, беду можете накликать великую и на себя, и на всех нас, и на Вячеслава Клецкого, потому что, как я понимаю, боитесь только одного – как бы князь Вячко на посулы Бориса Полоцкого не купился. Я же, уж не гневайтесь, беду гораздо большую предвижу, о которой вы даже и не задумываетесь.

Алексей умолк и неожиданно заговорщицки подмигнул Осьме, словно говоря: «Мы-то с тобой все понимаем, а бояре-то наши только вид грозный делают, а сами ни в зуб ногой». Осьма, чувствуя знакомый холодок опасности в сочетании с азартом прожженного игрока, соскучившегося по любимому развлечению, тут же подыграл – скорчил хитрую физиономию и слегка развел ладони в стороны: «Что ж поделаешь, коли «старшие товарищи» рулят не туда, куда надо?»

– Гр-р-ха! – Федор громогласно прочистил горло, но ничего не сказал, лишь зло зыркнул на Осьму, мгновенно напустившего на себя ненатурально благопристойный вид.

– Кхе! Слышал, Федь? Я же... э-э... говорю: «Плохих не держим!» Да чего ты ошетинился-то? Окаяли, награда за голову... да я за Леху, как за самого себя...

– Погодь, Кирюха, не окаяли, так и ладно. Ну-ка, «сотник порубежный», о какой ты там гораздо большей беде, про которую мы и не догадываемся, толковал? Или же для красного словца брякнул?

– Не с девками балагурю, чтобы «брякать», боярин! – чуть резче, чем следовало бы, отозвался Алексей. – Попробуйте-ка поставить себя на место князя Вячка. О намерениях полоцких князей, если к нему с посулами подъезжали, он догадывается не хуже нас. Не дурак, наверно – воспитание княжье получил, при иноземных дворах с отцом обретался. Ведь не дурак, а, батюшка?

² Окаять (дрене-русс.) – обвинить.

– Ну, в юности глупцом не выглядел, а сейчас... такие беды, какие на него свалились, многим мудрости не по годам добавляют, хотя и озлобляют тоже. Могут, конечно, и сломать, но у Вячка корни крепкие и характер дедов – великокняжеский. Ты, Леха, кончай крутить, говори, что собирался!

– Значит, о намерениях полоцких князей князь Вячко знает или догадывается, – продолжил Алексей. – Знает он также и о том, что князь Вячеслав Владимирович на Туровском столе еще толком и не уселся. К тому же земли, что севернее Припяти, Туров особо крепко никогда и не держал – слишком долго в Турове настоящих князей не было, всем из Киева заправляли.

– Ну и что? – перебил Федор. – Без тебя знаем, что тут и как. Дело говори!

Алексей отреагировал на раздраженный тон погостного боярина лишь едва заметной улыбкой и еще одним взглядом в сторону Осьмы. Федора от этого переглядывания аж пере-дернуло.

– Я сказал: дело говори! – повысил Федор голос. – А ты... – боярин резко развернулся в сторону Осьмы.

– Осьма! Хватит рожи корчить! – подключился Корней. – А ты, Леха, не тяни, слушать тошно!

– Добро, бояре, – Алексей слегка склонил голову. – Напомню вам еще одно: вы сами только что сожалели о том, что некому поместное боярство собрать и возглавить. Но это здесь, а там – к северу от Припяти? Я же не зря просил вас представить себя на месте Вячка! Вот возьмет он и поднимет поместное боярство и городские ополчения против полоцкого войска, да одолеет! Да даже если и не одолеет, а просто не даст полочанам закрепиться? Кому тогда туровский Мономашич нужен станет? А все остальное: и дружины усталые, и распутица, и прочее, о чем вы говорили, так и останется, только сослужит уже не полочанам, а князю Вячеславу Ярославичу... ну, скажем, Пинскому!

Алексей оглядел по очереди своих слушателей, убедился, что его версию возможного развития событий никто с порога отвергать не собирается, и продолжил:

– Вы, конечно, можете сказать, что, как реки встанут, Мономашичи всем скопом на Вячка пойдут. Ой ли? Ни Юрий Суздальский, ни Андрей Волынский с Мстиславом в Степь не пошли. Призвать половцев, как это Мономах в свое время сделал, Мстислав не сможет – только что сам их бил нещадно. Ярополк из Переяславля тоже может и не пойти, сошлетя, конечно, на то, что степные рубежи стеречь надо, но на самом-то деле он помнит, что его очередь на Киевский стол следующая после Мстислава! Кто остается? Сам Мстислав да Вячеслав Туровский? А Чернигов, а Полоцк? Киеву же и на них оглядываться надо! А теперь вспомните, что отец Вячка – Ярослав Святополчич – под Владимир-Волынский не только со своей дружиной приходил, а еще и угров с ляхами привел! Может Вячко то же самое сделать? Может! Ну и что, справятся Мономашичи с Вячком?³ Однако ж и это не самое страшное – наши земли война затронуть, пожалуй, не должна, но ты-то, батюшка, в каком положении окажешься? То ли тебе с Вячком против Мономашичей идти придется, то ли, наоборот, вместе с Мономашичами против племянника!

При последних словах Алексея Осьма как-то суетливо коротко дернулся на лавке, за что удостоился очередного сердитого взгляда боярина Федора.

– Кхе! Едрена-матрена... Федя... чего молчишь-то? Вот ведь как повернулось-то...

– М-да... – многозначительно изрек погостный боярин и тоном, полным досады, добавил: – чтоб у тебя язык отсох, Леха... а у тебя, Осьма, задница! Весь извертелся, на шиле, что ли, сидишь?

³ Версия, предложенная Алексеем, не так уж и фантастична, как кажется на первый взгляд. В реальной истории Клецкое княжество выделилось в самостоятельный удел еще при жизни Вячеслава Владимировича Туровского.

Осьма, скромно потупив глазки, что вызвало очередную ухмылку Алексея, поведал:

– Я, боярин, кое-что добавить хотел... если дозволишь...

– Тьфу, чтоб тебя! – Федор развернулся в сторону Осьмы и подбоченился. – Прям деву невинную из себя избразил! Ты для чего сюда зван? Ушами хлопать или для совета? Говори: чего сказать хотел?

– Так... Елена-то Мстиславна – дочка князя великого – тоже в Клецке обретается, с младенцем Юрием. Как бы князь Вячеслав Ярославич ее заложницей не объявил, если от Моно-машичей угроза сотворится. Великий князь Мстислав Владимирович дочку с внуком поте-рять...

– Да ты в своем уме?! – у боярина Федора от возмущения аж усы встопорщились. – Да как тебе в голову такая гнусность...

– В своем я уме, боярин, в своем, не растерял еще, – всю напускную скромность с Осьмы как рукой сняло. – Ты погоди горячиться, послушай. Задумка моя не только князя Вячка выручит, но и тебе с боярином Корнеем выгоду великую принести может.

– Осьма!!! Едрена-матрена, какая выгода? – рывкнул Корней. – Ты что, на торгу?

– Э-э, да какая на торгу выгода, хозяин? Так, мелочь, – Осьма пренебрежительно махнул рукой. – Настоящая выгода только в таких вот делах и бывает, а торговлишкой пусть те, кто умом пожиже, пробавляются. Вы задумайтесь, бояре: кто в таком случае лучше всего с князем Вячко договориться сумеет, если не мы? Боярин Корней ему родней приходится, боярин Федор посольскую службу правил – дело знает, ну и я гм... тоже кое-что умею. А какая благодарность от великого князя за такое дело может выйти? И что вы для самого Вячка выторговать сможете, если с умом к делу подойти? Ну, задумайтесь же хоть чуть-чуть! Войну и кровопролитие предотвратите, племяннику удел достойный выторгуете, сами возвыситесь и обогатитесь – кругом одна выгода. А всего-то и надо, что в Клецк смотаться да князьенке Вячеславу Ярославичу мыслишку подкинуть.

– Ну, ты клец, Осьма... – Боярин Федор шумно выдохнул и, было похоже, с трудом удержался, чтобы не сплюнуть. – Понимаю теперь, почему тебя князь Юрий удавить возже-лал.

– Не вышло, правда, – подхватил мысль приятеля Корней. – Кхе! Так это и поправить можно, долго ли умеючи?

– Вот именно! – Федор неожиданно выкинул в сторону Осьмы правую руку и жестко ухватил того, но не за бороду, как, видимо, ожидал купец, потому что поспешно отвернул голову и откинулся назад, а почти под мышкой – за край грудной мышцы. Рука у боярина была не слаба – Осьма охнул и скривился от боли. – Да как ты посмел, слизняк, нам такое предлагать? – Голос погостного боярина начал переходить в рык, а пальцы все выворачивали и выворачивали плоть, так что Осьма почти уперся лбом в стол. – Да я тебя, паскуду... – боярин уже занес кулак, и стало понятно, что голова купца, попав между кулаком и ребром столешницы может треснуть, как орех, но в этот момент Осьма придушенно просипел:

– Да Никифору же смерть верная грозит!

– А ну, погоди, Федя! – Корней ухватил Федора за плечо. – Успеешь еще душу отвести. Эй, ты чего там про Никифора вякнул?.. Остынь, я сказал, Федька!

Боярин Федор зло дернул плечом, но Корней держал крепко. Алексей качнулся было вперед, чтобы перехватить руку Федора, но, уловив остерегающий взгляд Корнея, сдер-жался.

– Хватит, Федь, погоди. Отпусти пока, куда он не денется, пусть сначала про Ники-фора скажет.

– Он уже много чего тут наговорил... так, что с души воротит, – погостный боярин все же разжал пальцы, и Осьма, болезненно морщась, принялся растирать левую часть груди. –

Ну и змею ты пригрел, Кирюха, у него же вместо мозгов ведро яду! Тьфу! – Федор брезгливо отер руку, которой держал Осьму, о штаны. – Таких, как он, в колыбели душить надо!

– Все тебе не так, Федька, то Леху пригрел, то Осьму. Кхе, тебя послушать, так мне одному в лесу, как медведю, жить надо да только иногда к тебе в гости заходить. Да, не ангелы, но у хорошего хозяина все в дело идет, по нынешним временам любое умельство пригодится может, даже и такое паскудное, прости Господи. Сейчас мы ему мозги в нужную сторону наладим, глядишь, и что-то путное выйдет, а не выйдет... течение в Пивени не то чтобы очень быстрое, но до Случи тушку дотянет, а там и... нет, до Припяти, пожалуй не доплывет, раки сожрут. Ну, прочухался, хитроумец? – Корней строго глянул на Осьму. – Давай-ка, выкладывай: что там с Никифором?

– Ох... и что ж вы за люди такие? – отозвался тоном невинной жертвы Осьма. – Можно же обо всем по-тихому договориться, так нет, все бы вам железом в живых людей тыкать...

– Ты нас еще поучать будешь? – Федор снова угрожающе качнулся в сторону купца.

– Осьма, паршивец!!! – Корней прикрикнул вроде бы на Осьму, а сам настороженно косился в сторону Федора, не дал бы тот опять волю рукам.

– Да у пруссов же Никифор, бояре, возвращаться с янтарем будет по Неману и Случи Северной, как раз в начале сентября! В самую же заваруху и влипнет! Ехать надо, бояре, ехать! – Осьма, все еще держась за грудь, подался было в сторону Корнея, но, приблизившись тем самым и к Федору, опасливо отшатнулся. – В Пинск надо ехать, в Слуцк, у Никифора там приказчики сидят. И в самом Городно Никифор с кем-то дела ведет, но я не знаю с кем, а приказчик в Слуцке может знать. Предупредить Никифора надо, задержать...

– Раскудахтался! «Ехать, упредить...» – ворчливым тоном перебил Осьму Корней – сами понимаем! Вот еще забота выискалась, как будто нам всего остального мало. Кхе! Федя, а тебе и впрямь ехать придется: и Вячка от дури удержать, и Никифорову приказчику весть передать...

– С чем ехать-то, Кирюш? – только что полыхавший возмущением Федор вдруг как-то увял и погрузнел. – Я Вячка, почитай, уже лет десять, а то и более не видел, да и кто я для него? Боярин с захудалого погоста... мало ли, что с отцом его в молодости приятельствовал? Да и предлагать же что-то надо, полочане ему и правда удел посулить могли, а я что? Пугать Мономашичами? Даже не смешно.

– А тоже удел посулить! – предложил Осьма, на всякий случай отодвигаясь подальше от погостного боярина.

Боярин Федор вяло покривился лицом и почти равнодушно констатировал:

– Да ты еще и дурак... или князя Вячка за дурня держишь? От себя, что ли, я ему удел обещать буду? Только на мерзости и горазд, а чего путного...

– Не от себя, конечно, – покладисто согласился Осьма, – от княгини Ольги! Коли князь Вячеслав Владимирович в Степи воюет, княгинюшка может вместо него распорядиться, да через тебя, боярин, весть Вячке и передать.

– Дурак и есть дурак! – Федор даже отвернулся от Осьмы. – Княгиня Ольга меня всего один раз видела и даже имени не знает, а тут я явлюсь и скажу: «А пообещай-ка, матушка, опальному князьку Клецкий удел!» Да меня к ней и не допустят даже...

– Это как подойти! – не унимался Осьма. – Иные дела через женскую половину княжьего терема даже лучше делаются... эх, были б мы сейчас не здесь, а в Ростове или Суздале...

– Кхе! Да если б ты сейчас в Ростове или Суздале был, тебя бы уже черви могильные доедали, умник хитрозадый! Князь Юрий... – Корней внезапно прервался, немного помолчал и обратился к боярину Федору. – Слушай, Федь, а я ведь могу так устроить, что и допустят, и выслушают, и поверят! Кхе! Вот не думал, не гадал! Могу, Федька! Езжай в Туров, согласится княгиня Ольга с тобой или нет, не знаю, но выслушает со вниманием! Обещаю!

Федор на неожиданный пассаж своего друга юности не отреагировал почти никак, только подпер щеку кулаком, так, что все лицо съехало на сторону, тяжело вздохнул и заинтересовался:

– Вы сколько тут без нас бражки вылакали? Не ведро?

– Да пошел ты, Федька!.. Точно тебе говорю! Я ж тебе рассказывал про волхву Гредиславу?

– Рассказывал, ну и что?

– А то! – Корней с сомнением глянул на Осьму и на всякий случай счел нужным предупредить. – Значит так, Осьмуха, если то, что я сейчас расскажу, хоть как-то за стены этой горницы выйдет, я даже и выяснять не стану: ты или не ты разболтал? Просто отдам тебя Михайле, чтобы его отроки на тебе в допросе пленных попрактиковались. Понял?

– Да что ж ты, хозяин, меня уж совсем не знаю за кого держишь? – то ли изобразил оскорбленную невинность, то ли искренне обиделся Осьма.

– Понял или не понял?!

– Да понял я, хозяин, понял! Вот тебе святой истинный крест...

– Тьфу на тебя, Осьмуха! – Корней поморщился, будто съел что-то очень кислое. – Ведь точно так же божишься, когда какому-нибудь олуху гнилой товар сбываешь!

– Хозяин...

– Хватит! Я тебя предупредил, а дальше сам разумеи: у неумелых пыталыщиков ты, конечно, долго не проживешь, но даже за то краткое время, пока они тебя уморят, узнаешь много интересного, только уже не расскажешь про это никому. А дальше... ну, про плавание твоей тушки по Пивени я тебе уже объяснял, паленое мясо раки тоже едят, не брезгуют.

– Ох и страшен ты, Кирюха, я прям в трепет впал! – прогундел перекошенной рожей боярин Федор. – Чего придумал-то и причем тут волхва?

– А при том, что княгиня Ольга с ней как-то знакома и какие-то дела промеж них имеются. Через Михайлу моего княгиня Гредиславе поклон передавала, а через Анюту какой-то знак... Не знаю, какой – стерегутся они. Я от Анюты еле-еле правды добился, и то случайно. Завтра съезжу к волхве, объясню ей про наши дела и попрошу знак для княгини. Если даст, считай, что тебя допустили и выслушали, а убедить Ольгу – твоя забота.

– Ну... допустим... – боярин Федор выпрямился, и выражение безнадежной меланхолии начало сходиться с его лица. – Допустим, убедил я княгиню Ольгу, потом прямо из Турова поехал в Клецк... чего Вячку-то советовать?

– Уходить Вячку надо из Клецка! – решительно заявил Корней. – Городок маленький, укреплен неважно, хоть и у самого полоцкого рубежа стоит, да и дружина у Вячка... я так думаю, что одно название, а не дружина, много ли ратников с такого скудного кормления содержать можно? Скажешь, чтобы уходил в Пинск, к дядьям. Втроем как-никак отбиться легче, да и Изяславу с Брячиславом на глазах у племянника полочанам сдаваться зазорно.

– Пусть и мачеху Елену с княжичем Юрием увозит! – подал голос Алексей. – Не дай бог, полоцкие князья ее заложницей сделать надумают...

– И ты туда же! – Федор всплеснул руками и заговорил таким тоном, словно объяснял очевидные вещи малому ребенку. – Они князья, не могут благородные люди опуститься до такого...

– Князья могут все! – Алексей опять уставился на Федора с выражением вызова в глазах. – А полочане в этот раз последнее на кон ставят, если не получится, Мстислав Киевский весь их род в распыл пустит, и княжеству Полоцкому не бывать! В отчаянии люди на все способны, а благородные, как ты говоришь... х-м, – Алексей скривил рот в недоброй ухмылке, – князья еще и к безнаказанности привыкли. Опустятся, одним словом, и до такого тоже опустятся!

– Верно, верно говорит! – торопливо, опасаясь, что перебьют, затараторил Осьма. – А великий князь Мстислав Владимирович за спасение дочки с внуком нам...

– Осьмуха, увянь! – рявкнул Корней.

– А что я такого?..

– Еще хоть слово о выгоде вякнешь... – Корней сделал многозначительную паузу. – Здесь не торгаши собрались. Мы – люди чести!

Осьма послушно умолк, хотя было заметно, что в иной обстановке он нашел бы, что сказать о «слове честном, купецком».

– Кхе! Значит так, Федор, если я завтра с Гредиславой Всеславной договорюсь, ты едешь сначала в Туров, потом в Клецк. Передаешь Вячке то, что княгиня Ольга посулит, советуешь ему уходить в Пинск и забирать с собой княгиню Елену с княжичем, ну и, конечно, отговариваешь верить посулам полочан. Так?

– Добро, Кирюш.

– А если, все же, князь Вячко свою игру вести надумает? – напомнил о своей версии Алексей.

– Не выйдет у него ничего, – Федор отрицательно помотал головой. – Мономашичи сейчас, как стая волков вокруг лося, между собой грызнию начнут только тогда, когда добычу завалят, а заваливать кинутся дружно и беспощадно, ты уж поверь, я знаю, о чем говорю. На ляхов надежды тоже нет. Во-первых, Вячко – не отец его Ярослав Святополчич. У того было право на великое княжение, а Вячко этого права после смерти отца лишился. Для ляхов он никто. Во-вторых, у Болеслава сейчас все силы на западе – Поморянию под себя подгребают, и скоро он эти дела не закончит, потому что на те же земли германцы зарятся. Нечего Болеславу на востоке делать.

Короче, выход у Вячка только один – проявить, г-м... благородство: спасти от полочан дочь и внука великого князя Мстислава и отбиться, как получится, от попытки захвата заприпятских земель. Это и будет истинно княжеским деянием – пренебречь враждой с Мономашичами и поступить, как честному мужу надлежит! – Федор покосился на Осьму и добавил, слегка повысив голос: – И не искать в сем выгоды, одну лишь славу и воздаяние на Небесах!

– Угу, там-то, конечно, дождешься, – едва слышно пробурчал Осьма, отвернувшись к дверям, потом вдруг встрепенулся и заговорил в полный голос: – То есть как это в Туров, а потом сразу в Клецк? А в Слуцк – Никифорова приказчика упредить?

– А в Слуцк ты поедешь! – приказным тоном ответил Корней. – Возьмешь ладью, холопов, которые на ладье гребцами уже ходили, и Петра с его купеческими детишками...

– А детишек-то зачем, хозяин?

– Не перебивать сотника! – Коней рявкнул и глянул так, что Осьма невольно выпрямился и подтянул живот. – Во-первых, Никифоровы приказчики тебя в лицо не знают...

– В Пинске знает...

– Молчать, орясина!!! Федя, будь добр: еще раз пикнет – дай ему в ухо.

– В какое, в правое или в левое?

– Кхе! А в любое! Можешь даже в оба, если с одного удара сумеешь.

– С одного? – погостный боярин задумчиво глянул на Осьму. – Если с одного, то надо посередине бить, а это прямо в нос получится. Или по маковке.

– Да хоть в межкрылье, лишь бы не перебивал. Кхе... так, о чем это я? Да! Для приказчиков ты, Осьма, чужой человек, а Петруха – старший сын хозяина, наследник. Совсем по-другому разговор пойдет. Ну, а остальные отроки... пятнадцать самострелов на ладье, случись что, лишними не будут. Да и погрузить-выгрузить ребята помогут. И для дела польза, и им учеба. Понял?

– Понял, хозяин... только... это самое... – Осьма с опаской глянул на Федора. – Не поместятся все на ладье. Две смены гребцов – двенадцать человек, да полтора десятка отро-

ков, ладья-то малая, а товара надо нагрузить побольше, чтобы и в Слуцке, и в Пинске ни у кого сомнений не было, что мы торговать, а не зачем-то другим пришли.

– Значит, возьмешь только одну смену гребцов, а вместо второй отроков на весла посадишь, не справятся, так пусть по двое гребут, приспособишься, в общем. Приказ тебе будет такой: передать весть Никифору и заодно как следует разноухать, что в Заприпятье творится, особенно в Пинске. Не появлялись ли там полоцкие послы или соглядатаи, как себя князья ведут, не ходит ли каких слухов, как торговля идет – обыкновенно или не так, как всегда. Этому-то тебя, надо понимать, учить не надо. Пойдешь на ладье сначала в Слуцк, потом в Пинск...

– Это ж кругаля какого давать...

– Федюша...

– Молчу, хозяин, молчу, молчу!

– Вот и молчи. Так... вроде бы все сказал. А, да! Товар возьмешь у Михайлы в крепости – доски, всякое другое, что они там в мастерских делают. Надо прикинуть, какой прибыток от хозяйства Кузьмы может быть. Этому тебя тоже учить – только портить. Со сборами не тяни, нам сведения точные нужны и быстро, чтобы готовыми быть.

– Э-э, хозяин, можно спросить?

– Спрашивай. Федя, не трогай его... пока.

– Два вопроса, хозяин... даже три. Первый: что покупать с выручки от досок и прочего?

– Справишься у Ильи и у Кузьмы, они подскажут, что для крепости надо.

– А у Демьяна? Его же Михайла... Фролыч, городovým боярином в крепости поставил.

– Едрена-матрена, ну что ты с ними делать будешь? Федь, слышал? Городовой боярин, туды его...

– Драть! – вынес вердикт погостный боярин, потом подумал и добавил: – Но, раз уж назначен, пусть учится!

– Верно! – подхватил Корней. – Пойдешь со своей заботой к Демьяну, да повъедливей так, поподробнее... Потом расскажешь, какая у него при этом рожа была да догадался ли он Илью с Кузьмой для совета призвать.

– Вот-вот, Кирюш, – согласился Федор, – знаешь, а ведь может из такой учебы польза получиться, годика через два такие тебе помощники вырастут... Эх, нет у меня сына, ей-богу, послал бы его в твою воинскую школу... – Федор горестно вздохнул. – Но выдрать за самовольство все равно надо!

– Второй вопрос, Корней Агеич, – Осьма поколебался, но потом все-таки решился спросить: – Нельзя ли мне по пути семью из Турова забрать. Случь Северная в Припять почти напротив Турова впадает, много времени это не займет...

– Кхе! А говорил, что на ладье места мало! Ох, и жук ты, Осьмуха!

– Так обратно же не с досками поплывем, ну или не со всеми досками, место и освободится...

– Да ладно, забирай, что с тобой поделаешь... но время не тянуть! И это... отроки в Турове наверняка станут проситься отпустить родню проведать. Не пускать, потом не соберешь, застрянешь на несколько дней! Построже там с ребятней, построже!

– Управлюсь, хозяин, не впервой. А третий вопрос... даже и не вопрос, а совет. Боярин Федор Алексеич, ты бы посоветовал пинскому и клецкому посадникам... ты же их знаешь, наверно, они же еще Мономахом посажены, князь Вячеслав заменить своими не успел...

– Да знаю я, кто чего успел! Говори толком!

– Я к тому, что князья там сидят на кормлении, так что податями посадники занимаются...

– Да что ты крутишь? Знаю я, кто чем занимается!

– Вот и подговорить бы их, чтобы в этом году подати пораньше собрали. Пусть не целиком, пусть даже хлеб не обмолоченный, а в снопах, но зато, когда полочане нагрянут да надумают что-то с округи взять, то получится, что они подати по второму разу содрать желают, а им же со смердами и боярами ссориться нельзя.

– Кхе! Верно придумал! Федь, ты посадникам да и князьям так и обскажи! Заодно и запасы на случай осады пополнят. Молодец, Осьмуха!

– Боярин... Федор Алексеич, – каким-то, совершенно нехарактерным для него деликатным тоном обратился к Федору Алексей, – я все насчет ляхов думаю... прости, что о неприятном напоминаю, но ты ведь с князем Мазовецким знаком был. Может быть, если намекнуть ему, что про их замыслы нам известно...

– Тьфу, чтоб тебя! – вопреки ожиданиям Алексея на лице Федора отразилось не горе от давней потери, а досада. – Откуда знаешь? Анюта натрепалась? Ох, языки бабьи! Нет никакого князя Мазовецкого и не было! Был каштелян Венцеслав, князем себя звавший самовольно, потому что мазурские земли и титул были ему обещаны братом короля Болеслава Збигневом. Убил Болеслав брата, сначала ослепил, а потом убил, а вместе со Збигневом сгинули и все, кто его поддерживал, в том числе и Венцеслав!

Треплются, сами не зная о чем! Не был Венцеслав князем и быть не мог, потому что не из княжеского рода происходил. Это мы Болеслава, на латинский манер, королем зовем, а сами ляхи его великим князем величают, все, как у нас. Поляки – те же поляне – ветви одного рода славянского. Как у нас нет князей нерюриковичей, так и у них не может никто в князья вылезти, не будучи княжеского рода.

Ходят, правда слухи, что король Болеслав хочет земли сыновьям раздать, тогда, может, и появится настоящий князь Мазовецкий. А намерение ляхов сходить к нам за холопами, скорее всего, связано с тем, что Болеслав раздает верным людям земли, с населением или без оно, а за это они обязаны ему воинской службой. Тут намекай, не намекай... да и намекать-то некому – в Плотске⁴ хозяина сейчас нет.

– Ладно! – подвел итог Корней. – С этим делом пока заканчиваем, привезете новые вести, будем дальше думать, а теперь давайте-ка с соседущкой нашим – Журавлем – решим, как разбираться. И учтите: разбираться надо быстро, потому что, когда мы с полочанами ратиться уйдем, эта гнида на Ратное напасть может.

– А нападет ли? – совершенно неожиданно спросил Осьма. – Зачем ему это?

– То есть как это зачем? – Корней аж вздернулся от удивления. – Ратников-то в селе не будет, приходи и делай, что захочешь!

– А зачем? – уперся купец. – В чем его интерес – на Ратное нападать?

– Опять ты о выгоде, Осьмуха, я же сказал...

– А ни чести, ни славы, с бабами да детишками воюя, не заслужишь, – Осьма развел руками, словно извиняясь за отсутствие «благородной» тематики в его аргументации, – значит, только интерес, выгода. Так в чем она? Холопов нахватать? Село сжечь? Крепость разрушить? Он что, дурак – не понимает, что вы, возвратившись, с ним за все сторицей разотчетесь? А что другое Журавля еще заинтересовать может? Великую волхву убить? Так на него после этого все Погорынье поднимется, а может быть, и не только Погорынье!

Корней Агеич, ты же сам говорил, что думать сначала надо о том, что хочет противник, а потом, как его намерениям противостоять. Так? Так! А чего Журавль хочет? Мне так думается, что больше всего ему желательно и дальше незаметным и неизвестным оставаться. Сидит себе в глуши за болотами, податей не платит, князьям не служит, народишку потихоньку себе прибавляет – где посулами, где хитростью, а где и силой. Богатеет, сильнеет да

⁴ Плотск-на-Висле – в то время столица Мазовии. Варшавы еще не было, на ее месте стояло несколько мелких поселений.

ждет, пока волхва Гредислава с ним мириться надумает. Зачем ему шуметь, внимание к себе привлекать?

– Кхе! А кто соглядатаев к нам подсылает? – спросил Корней прокурорским тоном. – Кто дозорных возле Куньего городища побил, кто Михайлу чуть не прикончил, заставу у болота вырезать собирався? Это ты называешь: «внимания к себе не привлекать»?

– Да! – казалось бы, вопреки всякой логике, согласился Осьма. – В двух первых случаях людишки Журавля сами опростоволосились, приказа на нападение они не имели. У Куньего городища они в ваш стан полезли, чтобы куньевского волхва выручить или убить. Глупость! Вам бы и в голову не пришло того волхва о Журавле расспрашивать, потому что вы про него и не знали. И Михайла на «пятнистых» сам случайно наехал, а они опять глупость сотворили – прямой след к болоту оставили. Ушли бы в другую сторону или следы скрыли, что бы ты подумал? Да что угодно, только не про Журавля! А вот нападение на заставу, конечно, его приказ, но куда они шли? Почему думаешь, что в Ратное? А может, к волхве?

– Кхе! И чего ж он тогда к нам соглядатаев засылает?

– А как же ему не засылать? – Осьма развел руками и улыбнулся, словно извиняясь за поведение Журавля. – Раньше-то он про вас все через волхву Гредиславу знал, а когда разругался с ней, сведений враз и лишился. Помнишь, у него на чертеже ратнинской округи высылки, как новинка помечены были? Это значит, что размолвка у них вышла тогда, когда ты, Корней Агеич, высылки еще не поставил, то есть давно.

– Кхе, давненько... лет семь или восемь...

– Вот именно! – продолжил Осьма. – А когда стараешься незаметным быть да внимания к себе не привлекать, то о соседях все знать надо, отсюда и соглядатаи.

– Лет восемь... – задумчиво повторил Корней. – Кхе, а чего ж он только сейчас Нинею убивать надумал?

– Ну, насчет убивать мы точно знать не можем... – начал было Осьма, но его перебил Федор.

– Ха, Кирюха! А может, он тебя к этой самой Гредиславе приревновал? А? Ха-ха-ха!

– Кхе!

Корней залихватски расправил усы и изогнул бровь. Все заулыбались, серьезным остался только Осьма.

– А что? Вполне может быть! – убежденно произнес он. – Только не как к бабе, а как к боярыне и волхве, которой неизвестно сколько народу подчиняется! Как к силе, которая, сложившись с твоей, воевода, силой, очень-очень многое сотворить способна. В таком раскладе, если не удастся помириться, лучше уж убить.

– М-да! – боярин Федор мгновенно согнал с лица улыбку и внимательно посмотрел на Осьму, словно прикидывая, правильно ли он оценил этого человека при первом знакомстве. – Ну, если ты такой умный... скажи-ка нам: что, боярыня Гредислава сама этого не понимает? А если понимает, то почему никаких мер для своей защиты не ищет?

– Как это не ищет? – Осьма, словно ожидая поддержки, глянул по очереди на Корнея и Алексея. – А кто Младшую стражу возле себя пригред? Кто пополнение дал, кто людей на строительство призвал? И ведь оправдалось же – заставка на болоте сработала!

– Не сходится! – неожиданно заявил Алексей, по большей части сидевший молча. – То ты говоришь, что убивать волхву нельзя – все Погорынье поднимется, а то, что лучше уж убить, чем дать ей свои силы с ратнинской сотней сложить. Не сходится, Осьмуха!

– Зачем же обязательно убивать? – Осьма пожал плечами и выставил руки ладонями вверх. – Можно же припугнуть или иное средство найти, чтобы принудить, скажем, внучат ее...

– Заткнись! – раздраженно оборвал Осьму Федор. – То как смысленный муж говоришь, а то такое дерьмо из тебя переть начинает...

– Что ж поделаешь? Жизнь есть жизнь, – отозвался Осьма, но от перечисления средств принуждения воздержался.

– Кхе! Ну и до чего же мы договорились? – Корней обвел взглядом собравшихся. – Не трогать Журавля, что ли?

– Как это не трогать? – Осьма даже слегка подскочил на лавке. – Громить, уничтожать, чтобы и духу его не осталось! И в первую голову самого Журавля, пока он жив, пока мы сами труп его не увидим, не останавливаться и не успокаиваться! Огнем и мечом, ни крови, ни смерти не страшась...

– Ты что, ополоумел? – Корней и впрямь был удивлен неожиданной горячностью Осьмы, еще совсем недавно проявившего себя сторонником обходных путей и тайных договоренностей. – Сам же только что говорил, что Журавль на Ратное не нападет!

Осьма вдруг весь подобрался, лицо его приобрело жесткое выражение, а голос сделался таким, словно он зачитывал грамоту с княжеским указом.

– Ты! – купец ткнул пальцем в сторону Корнея. – Воевода Погорынский! Без твоего ведома в воеводстве ничего свершаться не должно! Ты! – Осьма повернул голову в сторону Федора. – Погостный боярин, око и длань княжья. Кто тут недавно распинался о долге и чести, об обязанности отслужить, а меня стремлением к выгоде попрекали? Не вы ли, бояре? И что же? Если Журавль на Ратное не нападет, то есть убыток вам не грозит, то можно так все и оставить?

– Так-так-та-ак! – Федор скрестил руки на груди, повернулся к Осьме всей верхней частью тела и с интересом посмотрел на того, как на заморскую диковинку. – И ты, значит, желаешь нас поучить долг боярский исполнять? Слышал, Кирюш?

– Кхе... едрена-матрена...

– Ну-ну, – погостный боярин вроде бы даже благожелательно покивал головой, – поведи нам нерадивым...

– Он прав, бояре! – Алексей подал свою реплику, как будто бы спокойно, даже слегка равнодушно, но головы Корнея и Федора повернулись в его сторону мгновенно. – У вас под носом уже много лет не только множество народу податей не платит, но еще и гнездо языческое цветет! Более того, христиан притесняют и в языческое поганство обращают насильно. Тебе, батюшка, давно должно было сии богомерзкие деяния пресечь, а тебе, Федор Алексеич, народишко счесть да податями обложить! Вы же обязанностей своих не исполнили.

– Кхе, Леха, ты бы говорил, да не заговаривался, а то...

– погоди, боярин Кирилл! – Федор медленно поднялся с лавки и отшагнул в сторону Корнея так, чтобы видеть Алексея и Осьму одновременно. – Значит, вы обвиняете нас в бездействии и потворству языческим мерзостям, опричь того, в нанесении ущерба княжеской казне? Так я вас понял?

– Если бы, бояре! – отозвался Осьма. – А то ведь хуже! Гораздо хуже! Ты, вот, боярин, сказал давеча, что ребят из Младшей стражи надобно драть за самовольство – бояр там городовых назначают и... всякое прочее, что им невместно. Занимались бы, чем им положено, а в иные дела нос не совали. А сами что? О княжеских делах в рассуждения входите, советы князьям давать собираетесь, а в собственной службе неисправны. Так чем вы лучше тех ребят?

Боярин Федор лишь слегка качнулся в сторону Осьмы, но в этом движении и в исказившейся лице боярина ярости было столько угрозы... на купца, просто-напросто, глянула смерть. Однако далее ничего не последовало, потому что Алексей тоже коротко шевельнулся, слегка изменил позу, но стало абсолютно ясно: боярин Осьму достать не успеет, несмотря даже на то, что Федора и Алексея разделял стол. Если на Осьму глянула смерть, то на погостного боярина глянул Рудный Воевода, и разницы в этом не было почти никакой. Рудный Воевода

мог оказаться даже более скорым на руку. В разлившейся по горнице напряженной тишине отчетливо прозвучала негромко произнесенная Корнеем, вроде бы бессмысленная, фраза:

– Ничем, кроме воинских дел, не прославленный...

Никто ничего не понял, но это был хоть какой-то выход из положения, чреватого, по меньшей мере, крепкой дракой, а может, и чем похуже, поэтому все с преувеличенным вниманием уставились на Корнея.

– Чего, Кирюш? Ты о чем? – поинтересовался боярин Федор таким тоном, словно не он только что готов был искалечить или даже убить Осьму.

– Да вот, Федя, волхва однажды про род Лисовинов сказала... да ты сядь, чего выставился? Волхва, говорю, про нас сказала: «Молодой род, ничем, кроме воинских дел, не прославленный». И ведь права оказалась, коряга старая! Какой я, на хрен, воевода, если у меня под носом такие дела творятся? И ты, Федька, тоже хорош... да сядь ты, наконец, не торчи как... это самое! Чего вызверился, правда глаза колет, или от купчишки обидно такое слышать? Так я тебе то же самое повторю, легче тебе станет? Засиделись мы с тобой по теплым углам, вон, тебя уже и паутиной оплело... – Корней столь убедительно повел бородой в сторону Федора, что тот невольно сделал движение стряхнуть с рукава несуществующую паутину. – А у них глаз свежий, в том, что нам привычно, сразу несуразицу углядели... ну, может, не совсем сразу, но... Да сядешь ты или нет, в конце-то концов?!

Боярин Федор, шумно вздохнув, опустил на лавку и коротко покосился на Осьму. На Алексея он, было заметно, очень старательно не смотрел. Корней поскреб в бороде, зачем-то поелозил по полу протезом и заговорил, сменив рассудительный тон на командный.

– Кхе! Значит, так, Федор, прямо с утра пораньше ты либо сам едешь в Княжий погост, либо посылаешь кого. Вызываешь сюда все три десятка своих ратников. У меня-то даже вместе с твоими полная сотня не наберется... Дожили, едрена-матрена. Я, пока твои добиваются, вызову в Ратное своих бояр и, как только будем готовы, пойдем за болото – Журавля за тайные места трогать. И не спорить! – повысил Корней голос, заметив, что Алексей что-то хочет сказать. – Возьмем всех, кого сможем вывести: новиков, отроков Младшей стражи... Леха, сколько отроков можно взять будет?

– Первую полусотню, батюшка, остальные пока мясо. Положим мальчишек зря, да и сами, их выручая, поляжем. По уму, так стоило бы только опричников брать, те-то хоть немного крови понюхали, но... мало же будет. Берем полусотню!

– Угу. Кхе. Значит, моих пятьдесят семь, да мы с Лехой – пятьдесят девять. Тридцать твоих – восемьдесят девять.

– У меня тридцать два, да я сам тридцать третий, – поправил Корнея Федор.

– Что, Федя, сам тоже пойдешь? – Корней с сомнением глянул на объемистое чрево погостного боярина. – В бронь-то влезешь, когда последний раз надевал?

– Когда надевал, тогда и надевал, – пробурчал Федор и, снова покосившись на Осьму, добавил: – будут мне тут всякие небрежением службой глаза колоть...

– Кхе! – Корней тоже глянул на Осьму, но не зло, как Федор, а с хитрецей, казалось, вот-вот подмигнет. – Ну, стало быть, пятьдесят девять и тридцать три, выходит девяносто два. И полсотни – сто сорок два... едрена-матрена, даже полутора сотен не набирается, и больше трети мальчишки. Сколько ты говорил, Леха, у Журавля? Полторы тысячи?

– Да нет, батюшка, это я того, погорячился, привык, понимаешь, что в Переяславской земле почти с каждого дыма можно двух, а то и трех оружных мужей поднять. Из них половина конных и не в одной сече уже побывавших – степной рубеж, жизнь там такая... не то, что здесь.

– Здесь тоже когда-то так было, а теперь... Кхе! Так что там с полутора тысячами?

– Я думаю, что настоящих ратников у Журавля сотни две – две с половиной, ну, на край, три. А остальные – пешцы, да еще подневольные – толку с них... Да и не поднимешь

быстро. Есть еще сотни полторы стражи, но они бездеспешные и раскиданы по разным местам, можно в расчет не очень-то и брать – они не для войны обучены, а для охраны.

– Многовато, пожалуй, три сотни, – усомнился Осьма, – не прокормить. У него ж не все Погорынье под рукой, а со смердов или холопов три шкуры драть долго нельзя – или сбегут, или взбунтуются...

– На то и стража! – резко оборвал купца Алексей. – Чтоб не бегали да не бунтовали.

– Прокормит! – уверенно опроверг расчеты Осьмы Федор. – У него там народ гуще живет, чем в иных местах, натаскал, паскуда. Сложнее коней прокормить, строевых, заводных, вьючных – у нас же не степь. Если б не кони, я бы и про четыре сотни подумать мог, но табун больше тысячи голов... это ж какие пастбища нужны, сколько кормов на зиму запахать! Хотя, опять же, народу много... если Журавль болотами огородиться сумел, значит, есть у него хорошие плотинные мастера, а они умеют и заливные луга устраивать...

– Кхе, Федюша, это ж какое хозяйство у Журавля!

– А сколько податей собрать можно! – подхватил Осьма.

– Влезем, не зная броду, – мрачно добавил Алексей, – а там и впрямь четыре сотни...

– Ничего! – бодро отозвался Федор на реплику Алексея. – Наш воевода и против полутысячи не смущался, бывали у нас дела... а, Кирюш? Помнишь?

– Тогда и мы другими были, и на своей земле, и в полутысяче той чуть не половина в бронях... Не ссыте, ребяташки, управимся! Сдуру можно, конечно, и хрен сломать, но если с умом... Осьмуха, ты, едрена-матрена, и сам даже не знаешь, насколько прав! Журавль-то, сколько б у него народу ни было, воевать-то всей своей ратью, поди, и не воевал никогда – тихо сидел! Да будь у него и полутысяча, в ней народишку, в настоящих сечах побывавшего, раз-два и обчелся! Если все правильно сделать, уполовиним еще до того, как они очухаются! Первый раз, что ли?

– У нас тоже больше трети в первый бой пойдут! – не согласился Алексей.

– Так! – боярин Федор, повысив голос, прервал начинающийся спор. – Ну-ка, воеводы великие, объясните-ка мне про вашу Младшую стражу – чего могут, чего не могут, да и про Михайлу тоже. Я его только один раз видел, и... не то, чтобы он мне не показался... нет, паренек разумный, к книжной премудрости прикоснувшийся, и телом для своих лет крепок, но всего же четырнадцать годов! Не дитя, но и не муж же! А тут я про него такого наслушался, прямо Святогор-богатырь! И бунтовщиков он истребляет, и в засаде его не возьмешь, и сквернословит так, что матерые мужи чуть не до слез умиляются! А с другой стороны – прямо святой подвижник: заклятья волхвовские снимает, демонов невидимых, как курей, давит. Ты кого вырастил, Кирюха?

– Кхе... так, воспитываем же... – начал было Корней, но его перебил Осьма:

– Михайла еще и по торговой части вовсе не лопух! – вставил он с таким видом, словно с садистским удовольствием сыпал соль на раны Федору. – И на судебном стоянии не теряется, и с князем да княгиней без запинки беседовал, сумел понравиться!

– Разыгрываете! – убежденно заявил Федор. – Нашли время... Кирюха, ведь разыгрываете?

– Да нет, Федя, все так. Я и сам порой удивляюсь, а иногда думаю: а может, это душа Фролушки покойного за сыном из Царствия небесного приглядывает? – Корней осенил себя крестным знаменем, вслед за ним закрестились и остальные.

– Однако ж и про наставников забывать не стоит! – прервал тишину Осьма. – Ты сам подумай, боярин: воевода Корней Агеич, пастырь наш отец Михаил, ведунья Настена, Великая волхва Гредислава Всеславна, Рудный Вое... Алексей Дмитрич, – Осьма скромно потупился и добавил: – ну, и аз, многогрешный, руку приложил. При таких-то наставниках...

– В том, что ты многогрешен, я и не сомневаюсь! – прервал купца Федор. – Однако же никакие наставники... погодите-ка! Великая волхва, ведунья... да что у вас тут творится? Вертеп языческий...

– Остынь, Федька! – Корней досадливо поморщился. – Святошу-то из себя не строй, сам с язычниками дела ведешь, и не только подати собираешь, а и... напомнить?

Федор мрачно глянул на друга юности, но отреагировать на неприятный намек ему не дал Осьма:

– И никакой не вертеп! – затараторил купец, как сорока. – Если бы вертеп, так Михайла сам опоганился бы, однако ж, все совсем наоборот свершается! Семьдесят четыре юных души, через службу в Младшей страже, из мрака язычества исторгнуты и к свету Истинной Православной веры приведены: посты блюдут, молитвы ежедневно и не по одному разу возносят, по воскресеньям исповедуются и причащаются святых тайн...

– Уймись, Осьмуха! – Корней махнул на купца рукой, словно на надоедливую муху. – Вас, болтунов, послушать, так и впрямь получается не парень, а... Кхе! Бог знает что получается. Хватит! Отрок как отрок, только выучен изрядно, да хорошо умеет книжную науку к жизни применить... ну, удачливый еще... – Корней на секунду задумался и добавил уже совсем другим тоном: – Да, везунчик, уже несколько раз по самому краю прошел, я его в мыслях уже трижды хоронил... Господи, спаси и защити... – Корней снова перекрестился.

– Гр-хм! – Федор громогласно прочистил горло и обратился к Алексею: – А ты что скажешь? Каков старшина Младшей стражи на твой взгляд? – погостный боярин как-то умудрился задавать свои вопросы, не глядя в лицо Алексею, а уставившись ему куда-то в бороду. – Каждый ведь день его видишь, и не только его самого, но и то, как он Воинской школой правит. Это о многом человеку бывалому сказать может. Так что, каков он?

Алексей, отчетливо ощутивший возникшую между ним и Федором напряженность и нежелающий уступать в психологическом поединке ни пяди, сформулировал свой ответ в такой форме, что Осьма от неожиданности причмокнул губами, а Корней, в который уже раз, выдал свое универсальное «Кхе!».

– Не прост твой будущий зять, боярин, не прост, однако жених завидный, и не только по здешним меркам.

– Г-м, жених... это мы еще посмотрим, какой он жених! – Федор приосанился и оправила бороду, потом спохватился и рявкнул: – Да не о том я тебя спрашиваю! Мы что тут, о свадьбе сговариваемся?

– Хе-хе-хе! – рассыпался мелким смешком Корней.

– Хи-хи-хи! – подхватил Осьма.

Алексей тоже криво ухмыльнулся, а Федор, побагровев, заорал в полный голос:

– Да вы что, сговорились меня изводить сегодня?!

– Ну-ну, тихо, тихо... – успокаивающе заворковал Корней и вдруг, перекосившись лицом, тоже заорал во всю глотку: – А нехрен великим боярином выставляться!!! Перед кем величаешься, засранец?!!

– Что-о?.. – набрав в грудь воздуха, начал было Федор и осекся.

Знакомая с юных лет лисовиновская ярость, искажившая лицо Корнея – слева, холодный взгляд расчетливого убийцы – напротив, что-то смертельно-ядовитое, даже оглядываться не хотелось – справа. Федор замер, понимая, что сам Корней даже и пальцем не шевельнет, только мигнет своим ближникам, а те и бить-то не станут, не то, что убивать – просто скрутят и повозят рожей по лавке, как раз по тому месту, где только что сидел задом – унижение хуже побоев.

– Ты перед кем тут выделяешься, козлодуй? – Корней, хоть больше и не орал, но словно плевал каждым словом в лицо погостному боярину. – Перед Осьмой? Так про него

князь Юрий Суздальский, хоть ночью разбуди, все без запинки выложит, а тебя княгиня Ольга один раз видела, а как звать, и не знает!

Перед Алексеем? Так он половцев накрошил столько, что и былинному богатырю в пору было бы, а теперь такую стаю волчат натаскивает, что они уже сейчас любого медведя на куски порвать способны, а ты что можешь? Только беличьи шкурки в кладовке пересчитывать! Передо мной? А хрен мой до отхожего места отнести не желаешь?

Ты кто такой, Федька? Ну, посмотри на себя и посмотри на нас. Вот, я! – Корней сделал широкий обводящий жест, словно отождествляя себя не только с домом, в котором они находились, а и вообще со всем Ратным и округой. – Случись что, даже лишившись воеводского достоинства, я останусь при своем имени и ратной силе, которые со временем только богатеть и сильнеть будут. И попробуй, выковырай меня отсюда! Хрен выковыряешь! Чем дальше, тем больше со мной выгоднее дружить, а не лаяться.

Теперь, Федюня, посмотри на Осьму. Да, беглец, да, личный враг князя Юрия Владимировича, но даже сейчас может любого боярина, а то и князя, с потрохами купить. Ведь можешь же, Осьмуха? Да не прячь ты глазки, не лезу я в твою калиту, так, для примера, сказал. Но даже случись ему разориться – внимай, Федюша, внимай – даже случись ему разориться, он со своими знакомствами, знаниями, умениями да пройдошливостью вернет себе все, да еще и с прибытком. А знания его велики, хоть и не из книг почерпнуты, и совет от него принять не зорно. Кхе... хотя и не всякий. И всегда найдутся люди, для которых его совет будет дороже той платы, которую за совет отдать придется. И не будем зарекаться: вполне может случиться так, что еще и князя к его речам слух склонять будут.

А теперь, друг мой ущербный, погляди на Алексея. Вот муж битый, резанный, жженный, стрелянный. Но! – Корней вздел к потолку указующий перст. – Не сломанный! Лет через пяток, если голову буйную не сложит, заматереют его волчата, и тогда близко к нему не подходи – на ногу наступит, по пояс отдавит! И я не удивлюсь, если к преклонным годам окажется он в шубе боярской в княжьей думе, а про то, что станет Леха боярином, да не таким, который только при князе боярин, а поместным, со знаменем, так это и к гадалке не ходи!

И вот только теперь, дитя бородатое, глянь на себя. Кто ты такой? Мелкий приказчик, посаженный ныне покойным князем в глухомань. За ненадобностью. Пришлет завтра князь Вячеслав на твоё место кого-то другого, даже не в награду, а в наказание, и куда ты денешься? В Треполь, под крылышко к полузабытой сестре Ирине и к нелюбимой дочке, на земли, которые за столько лет обустроить не удосужился? Или опять ко мне приползешь – синий от пьянства, в слезах и соплях?

Кому ты станешь нужен? Что у тебя останется? Земля и люди, как у меня? Нет! Сила и воинское искусство, как у Лехи? Нет! Богатство, как у Осьмы? Кхе! Может ты и скопил чего – к рукам-то, небось, прилипало, но ведь всякий может сказать: наворовал на княжеской службе! А вознамерятся отнять нажитое – отнимут, не вертухнешься!

Корней бил старого приятеля наотмашь, сам не ведая того, что, подобно сказочному волхву, предрекает судьбу российского чиновничества на века, даже на тысячелетие вперед, и не важно, как они будут называться: подьячими, коллежскими асессорами, аппаратчиками или государственными советниками. Так и будут «государевы люди» безропотно терпеть начальственное хамство, ибо ответить – лишиться места или испортить карьеру. Так и будут вытирать об них ноги всякие Адашевы, Распутины, Березовские и прочие мин-херцы, ибо, зная себе истинную цену, пользуются любым случаем, чтобы напомнить о своей силе себе и другим. Так и будут смотреть сквозь них «истинные хозяева жизни», ибо кто же обращает внимание на винтик государственной машины, если озабочен тем, кого и как за рычаги этой машины посадить? Нет, будет в истории нашего Отечества краткий период, когда подобное, в отношении «государевых людей» сможет позволять себе только начальство. Пусть

даже двойное – партийное и советское. Но, по историческим меркам, этот период так краток, а впоследствии он был так оплеван... Да и был ли он вообще, может быть все это выдумки, и на самом деле все было вовсе не так? Но во все времена в спину чиновнику будет смотреть Некто и беззвучно вопрошать: «Кто ты без своей должности?»

– Кхе! Ну, так вот: если уяснил ты свое место, Федор свет Алексеич, – продолжал Корней, – то слушай дальше и слушай внимательно, потому что думается мне, что не уяснил ты ни черта – ишь, рожа какая обиженная! – Корней запрокинул голову и заорал, будто вещал на площади с лобного места. – Слыхали, люди добрые: посмотрит он, какой Михайла жених! Да это я еще посмотрю, годишься ли ты Михайле в тесте!

В ответ Алексей и Осьма, хоть и не произнеся ни слова, одним только шевелением на лавках, умудрились вдвоем изобразить толпу, поддерживающую оратора. Корней оценил старания аудитории, кивком головы указал Федору – «смотри, мол, и народ со мной согласен», а затем продолжил свой монолог уже спокойным голосом:

– Как ты думаешь, Феденька, что Михайле через женитьбу получить желательно? Землю в приданое? Да в Погорынье земли... за неделю не обскачешь! Серебро? Осьма, надо Михайле серебро?

– Э-э... – Осьма, к досаде Корнея, оказался не готов к такому вопросу, но сориентировался быстро. – Лишним оно, конечно, никогда не бывает, но Михайла и сам обогатиться способен – лесопилка, мастерские, и еще чего-нибудь измыслит, да и измыслил уже, только говорить еще об этом рано. Опять же, доля в военной добыче будет и, как я понимаю, немалая. Не-а, Корней Агеич, жениться на деньгах Михайле резону нет.

– Кхе! Слыхал, Федюша? Ты, наверно, спросить хочешь: «Какого ж рожна Михайле надо?» Отвечу: родства! Такого родства, чтобы двери перед ним открывались, другим недоступные, чтобы за такие пороги он вхож был, к которым других и близко не подпускают. Понял меня? Вижу, что понял. Можешь ты это ему дать?

Погостный боярин на протяжении всего монолога Корнея сидел молча, с каменным лицом, глядя куда-то поверх левого плеча воеводы – умел, когда надо, прятать эмоции. На последний вопрос Корнея он отвечать не стал, только слегка дрогнули пальцы лежащих на коленях рук.

Нормальной мужской реакцией в сложившейся ситуации было бы дать старому другу в морду. Крепко так, от души, и не за какую-то отдельную обидную фразу или за весь монолог разом, не за издевательский тон или за унижительное положение, в которое поставил Корней Федора на глазах у посторонних (с глаза на глаз, между друзьями молодости, можно еще и не такое), а за то, что сказать в ответ нечего, а терпеть нет сил. Ну, на крайний случай, понимая, что старому вояке так просто в морду не заедешь, а через секунду окажешься один против троих, можно было бы встать и выйти, хлопнув дверью. Однако Федор сидел и терпел. Терпел, потому что понимал: все это – не просто так.

Вовсе не вследствие вздорного характера надел на себя друг юности личину самовластного феодала, не терпящего в своем уделе никакого закона, кроме собственной воли. Отнюдь не случайно вспомнил Корней о шатком положении погостного боярина, хотя было оно таковым уже давно и оба это прекрасно понимали. И унижает он Федора на глазах Алексея и Осьмы не только за то, что Федор в сущности ни за что, лишь из-за инстинктивного мужского соперничества вызверился на Алексея и чересчур уж высокомерно отнесся к представителю торгового сословия Осьме.

Нет, Корней уже очень много лет не позволял себе ничего делать «просто так». Если уж зашла речь об отнюдь не радужных карьерных перспективах Федора, то значит, Корней видит какой-то выход из сложившегося положения. Если изображает из себя самовластного владетеля Погорыньи, то именно в этой ипостаси он и намерен действовать в ближайшее время. Если наказывает за ненадлежащее отношение к Алексею и Осьме, то задуманное

Корнеем будет исполняться именно этой командой, в которую Федор по недомыслию сразу не смог вписаться и теперь вбивается в неё Корнеем, как бревно в тын.

– Ты, друг мой сердечный, – голос Корнея утратил язвительность, и слова «друг мой сердечный» прозвучали совершенно искренне, – ныне не перепутье очутился. Две дороги перед тобой лежат. Одна ведет, прости уж на грубом слове, в глубокую-глубокую задницу, а вторая... Кхе! Вторая идет кверху, может статься, что и ко князьему двору или в посадничий терем. Понятно, разумеется, что тебе желательно пойти по второй – по той, что к высотам ведет, да только в одиночку тебе на той дорожке делать нечего, потому ты ко мне и прискакал. Признавайся: почуял, что наступают смутные времена, о которых мы с тобой весной толковали? Как ты тогда сказал? Времена, когда возможным станет все? Так? А, Федя?

– Прав... Гр-хм... Правда твоя, Кирюш.

– Ага! И задумал ты что-то свое, о чем нам не сказал, но что на нашем горбу исполнить рассчитывал. Так?

– Ну уж и на горбу... Гр-хм... Ты бы в накладе тоже не остался...

– Верю, Федя, верю, друзей ты не забываешь. Однако ж что-то тебе у нас не понравилось, что-то не по душе пришлось... Кхе! Узрел ты, что мы совсем к другому готовы, к такому, что с твоей задумкой не срастается. Оттого и Осьмуху гнобил, и на Леху окрысился, и на меня, в моем же доме, как на подручника глядел. Так?

– Да никого я не гнобил! Он же чушь несусветную...

– А ну-ка, признавайся, – перебил Корней, – что задумал?

– Чего уж теперь-то, Кирюш? – Федор тяжело вздохнул. – Все равно уже не сбудется.

– Говори!

– Ну... Гр-хм...

Федор все никак не мог избавиться от комка в горле. Поискал, чего бы хлебнуть, Осьма догадливо придвинул кувшин с квасом. Погостный боярин сделал несколько крупных глотков прямо из кувшина, утер усы и, наконец, признался:

– Княгиню Елену – дочь Мстислава Владимировича с сыном спасти хотел и к великокняжескому столу целой и невредимой представить. С тобой, Кирюша, вместе с тобой! Нас бы великий князь за спасение дочери и внука...

– Эх, Федя, Федя... а еще Осьмуху в торгашестве упрекал!

– Это ты его упрекал!

– А ты чуть не прибил! За то, что он своим разумом по самому краю твоей задумки скользнул, почти то же самое, что и ты, измыслил! Выходит, что не на него ты озлился, а на себя – не смог выдумать ничего лучше купчишки... м-да!

Корней сокрушенно покачал головой, Алексей презрительно покривился, а Осьма, впервые за весь разговор, непритворно потупился. Федор, как за спасательный круг, снова ухватился за кувшин с квасом и припал к нему губами.

– Мелко-то как! – вымолвил после паузы Корней с искренней горечью. – Гори оно все огнем, лишь бы только успеть свой сундучок из пожара вынести. Ты ли это, Федор? Или и впрямь мелким приказчиком сделался?

– Жизнь заставила! – процедил сквозь зубы Федор, отвернувшись от Корнея и глядя куда-то в угол. – Ты же сам все обсказал... некуда деваться! Понимаешь? Некуда!!!

– Жизнь? – задумчиво переспросил Корней. – Да, жизнь она... умеет, злодейка, чело- века на карачки поставить. Умеет, не отнимешь. Но были же времена, Федя, когда не она нас, а мы ее... того. И ведь получалось!

– Э-э... бояре! – прервал грозившую затянуться паузу Осьма. – Все мы здесь... гм, жизнью по-всякому ставленные, да не по одному разу. Так, может, это самое, хватит вздыхать, да подумаем, как эту злодейку... подобно всякой вздорной бабе, не только окарач, но и всякообразно, чтобы, значит, место свое понимала...

Ответом был взрыв хохота. Не то, чтобы Осьма сказал что-то очень уж смешное, но сказано это оказалось очень вовремя и прекрасно послужило разрядке эмоционального напряжения. Алексей хохотал, широко раскрыв рот и чуть не падал с лавки, далеко откидываясь телом назад. Федор, наоборот, подался вперед, навалился грудью на стол и гулко гоготал, колыхаясь всем своим дородным телом и елозя ладонями по столешнице. Корней мелко трясся, утирая выступившие слезы, и было слышно, как он скребет под столом протезом по полу. Осьма тоже подхихикивал, не столько весело, сколько удовлетворенно, по очереди бросая взгляды на присутствующих, словно оценивая результат своего воздействия на собеседников.

– Ох, Осьмуха... ну, сказанул! – Корней в очередной раз утерся рукавом рубахи. – Федька, стареем, что ли, что о таком способе забыли?

– Да помню я... Кирюш... помню, только не с того боку заходил...

– Любо!!! – словно на сходке разбойной ватаги трубно возгласил Алексей.

– Хи-хи-хи... Еще б не любо! – отозвался со своего края стола Осьма.

В горницу степенно вплыла Листвяна, любопытно зыркнула по улыбающимся лицам и пропела елейным голосом:

– Корней Агеич, обед готов, прикажешь подавать?

– Подавай! – распорядился воевода. – И бражки вели... умеренно, для аппетита.

* * *

– Уф-ф, – Корней сыто отвалился от стола и оглядел подобревшими глазами сотрапезников. – Так на чем мы там остановились?

За едой о делах не говорили – во-первых, рты были заняты, во-вторых, в горнице все время крутились девки, подававшие и убиравшие со стола, а около двери, сложив руки под грудью, торчала Листвяна, безмолвно, одними движениями бровей или легким поворотом головы управляя прислугой.

– На том, чтобы всякообразно! – напомнил Осьма, ковыряя в зубах.

– Цыц, Осьмуха, кончились шуточки! – совсем не строгим голосом, пресек легкомыслие Корней.

– Тогда на Михайле, – исправился Осьма, – разговор был о том, что он прямо как богатырь Святогор и святой подвижник. А потом боярин Федор у Алексея спросил, что тот про Михайлу думает, ну тут и поехало...

– Поехало! Кхе! С вами доездишься... У нас какая забота нынче наперед вылезла? Журавль! Нам что решить надобно? Можно ли с собой в поход отроков брать и будет ли от них польза! Причем тут Михайла?

– Да нет, Кирюша, просто интересно стало... Разговоров-то много всяких, да и живут твои отроки отдельно, без твоего пригляда...

– Это что ж, по-твоему, я не знаю, что в МОЕЙ Воинской школе творится? – мгновенно отреагировал Корней. – Все! Зарубите себе на носу: все, что там делается, делается с моего одобрения... Кхе! Или мной не одобряется и тогда следует наказание! И без разницы, будь то Михайла, будь то наставники или вот он! – Коней ткнул указательным пальцем в сторону Алексея.

– Однако же самовольство Михайла допустил, – уперся Федор, – от наследства отказался, попа обидел, ты же сам говорил, Кирюш, а наказания-то пока не последовало!

– Кхе... Думаешь, уел, Федька? А вот и нет! Тут дело не только в Михайле – они все там, без постоянного пригляда, воли много себе взяли. Тут не наказание требуется, а окорот, чтобы поняли, что без старших все равно им не прожить, чтобы не обижались или боялись, а задумались!

– Да понимают они это, батюшка... – попытался защитить всех отроков разом Алексей.
– Молчал бы уж... сам тоже хорош... – Корней слегка помялся, пытаясь с ходу припомнить за Алексеем какой-либо грешок «в тему», но ничего не припомнил и отделался общим замечанием, – сам знаешь!

Алексей спорить не стал, а Корней, победно оглядев аудиторию, подвел итог предыдущему разговору:

– Все! На этом болтовню заканчиваем и возвращаемся к делу. Кхе... на чем мы остановились?

– Ну, мы столько раз останавливались, – отозвался Осьма, – что даже и не знаю...

– Зато я знаю, балаболки... столько всякого натрепать... Кхе! Напоминаю: решили мы идти за болото и, по прикидкам, на наши неполные полторы сотни Журавль может выставить сотни две – две с половиной. Это – сразу, а если дадим ему время собраться, то и вообще неизвестно сколько. Была б у меня сотня времен Палицкой сечи, я и не задумался бы – справились бы, даже и сомнений никаких нет, но... Кхе! Ратнинская сотня нынче не та, что была, потому и приходится брать с собой и дармоедов с Княжьего погоста, и мальчишек из Младшей стражи. Так, Леха, об этом речь шла?

– Так, батюшка, – Алексей согласно склонил голову.

– А если так, то вспоминай: боярин Федор Алексеевич поинтересовался, на что отроки Младшей стражи способны и какая от них нам может быть помощь? Вспомнил?

– Вспомнил... – Алексей снова склонил голову, покосившись на Федора.

– А вспомнил, так излагай, только не так пространно, а то у нас все время разговор куда-то в сторону уходит.

– А вот тут я с тобой, боярин Кирилл Агеич, не согласен! – Федор, раз уж Корней не стал звать его Федькой, ответил воеводе тем же, как бы подчеркивая важность перехода разговора на военную тематику. – В воинских делах, сам знаешь, мелочей не бывает. Так что, Алексей... гм, Дмитрич, излагай все, что сочтешь нужным. Ты ведь не против, господин воевода?

– Кхе! Развели тут вежество... – пробурчал в ответ Корней, – еще раскланиваться возьмитесь.

– Значит, так! – начал Алексей. – В походе отроки в тягость не будут. В седлах держатся хорошо, коня на привале обиходить умеют, через лес проедут, ни себе, ни коню ущерба не нанося. Ежели в погоню идти и, наоборот, от погони уходить, то они даже лучше взрослых ратников управятся, потому что меньше весят – кони под ними идут резвее и устают меньше. Это, пожалуй, все, что они верхом способны делать. Выстрелить с седла могут, но в том, что все попадут, уверенности нет. Сулицу с нужной силой и точностью метнуть не смогут, копейного столкновения при их росте и весе, сами понимаете, им не выдержать, мечом они, даже и на земле стоя, пока владеют слабо, да и силенки на схватку со взрослым ратником не хватит. Разве что, исхитрятся кистенем или кнутом стегнуть, но это уж при очень большой удаче.

– Понятно: в бой пускать их лучше пешими, – Федор оглянулся для верности на Корнея, тот молча кивнул. – Так, а что стоя на земле могут?

– Со ста шагов кладут бездоспешного наверняка! – уверенно заявил Алексей. – С пятидесяти шагов пробивают доспех и шлем, который послабее, но даже если шлем и не пробьют, человек валится оглушенный. Меткость... Поодиночке, с пятидесяти шагов попадают девять раз из десяти, а то и чаще. Если будут стрелять всей полусотней разом, то сорок – сорок пять убитых или раненых будет обязательно. Лучше всего умеют бить из засады, скажем, на опушке леса и, если надо, могут быстро отойти в лес, а там их изловить... не то чтобы просто трудно, а смертельно опасно. Скажем, если их в лесу сотня конных ратников надумает настигнуть, из леса вернутся только те, кто сообразит вовремя назад повернуть, а отроки

особо много народу и не потеряют. То же самое, если придется драться промеж строений и заборов в каком-нибудь поселении. В этом ребята уже сейчас сильны, не отнимешь.

Вот, пожалуй, и все, больше они пока ничего и не умеют, а то, что могут, еще неизвестно как в настоящем бою получится. А Михайла... Вообще-то, – Алексей помялся, косясь на Федора, – если б Михайла не отроком был, а зрелым мужем, я б решил, что он в какой-то дружине со строгими порядками служил, где все самострелами вооружены и приучены до рукопашной дело не доводить. Одна беда – чтобы самострел зарядить, надо обязательно на ноги встать или с коня слезть, иначе не выходит. Правда, Михайла все время что-то с Кузьмой мудрит, придумывают, как от этого недостатка избавиться, но пока чего-то результата не видно.

– Кхе! Поганец, едрена-матрена! И тут ему все по-своему повернуть надо! Вцепился в свои самострелы, понимаешь...

– Говорит, что ребят калечить не хочет, батюшка...

– Калечить?

– Да, так и говорит, – подтвердил Алексей и, словно извиняясь, пояснил: – Михайла специально у Настены узнавал, и та сказала, что у тех, кто сызмальства слишком тугими луками увлекается, кости как-то неправильно растут, а в старости это всякими болезнями оборачивается⁵.

– Поганец! Нет, Федька, ты слышал? Деды-прадеды лучниками были и ничего! А тут...

– Какие же старики без болезней? – вроде бы поддержал Корней Осьма. – Да и многие ли воины до глубокой старости доживают?

– Да пошел ты, Осьмуха... – раздраженно отреагировал на сомнительный аргумент купца Корней. – Не-ет, окорачивать Михайлу надо, окорачивать, не то совсем от рук отобьется!

– Так за чем дело стало? – преувеличенно удивился Федор. – Михайла же полусотню в первый раз в поход поведет? Ну, так обязательно же в чем-нибудь опростоволосится! Тут ты его и...

– Сам знаю! Хватит о Михайле... Кхе! К делу, ребятки, к делу. А дело наше будет таким: надо ужалить Журавля посильнее, так, чтобы он не раздумывая на нас попер с тем, что у него под рукой найдется. Сотня – так сотня, две – так две. А для этого нам всю свою силу сразу показывать не стоит. Надо столько показать, чтобы у Журавля уверенность появилась – двумя сотнями, или сколько он там сразу наконь поднять сможет, с нами справиться легко.

– Тогда, батюшка, – предложил Алексей, – надо вперед Михайлову полусотню запускать и так, чтобы отроков его увидели, сочли и Журавлю донесли. Я такие вещи не раз устраивал – покажешь малую часть силы, а остальное где-то прячешь, ну а потом...

– Да понятно, понятно... – Корней нетерпеливо отмахнулся, – тут ведь в чем загвоздка... нельзя, чтобы за Михайлой погоня увязалась, его отроки нам в засаде понадобятся. Если отроки каждым выстрелом будут по сорок ратников у Журавля выбивать, то с остальными мы управимся, к гадалке не ходи.

– Один-то раз, Кирюша, они тебе четыре десятка может и выбьют, если рука не дрогнет – первый бой, все-таки, а потом? Пока отроки самострелы перезарядят, враг от неожиданности оправиться сумеет...

– А мы на что? Нет, Федя, если мы сможем сами место и время для схватки с журавлевской дружиной выбрать, ни опомниться не дадим, ни на отроков навалиться. Как ты сказал, Леха, лучше всего им с опушки леса стрелять?

⁵ Факт, подтвержденный археологическими находками.

– Так, батюшка. Если не успеют самострелы зарядить, назад отойдут, а в лесу их так просто не возьмешь.

– С опушки, говоришь... ну-ка, доставай-ка чертеж земель, который Михайла со слов пленного начертил, посмотрим, где там какие опушки имеются.

Четверо мужчин склонились над картой, негромко обмениваясь короткими репликами:

– Здесь, значит, хутор...

– Да, полусотня его легко возьмет, там мужей-то всего четверо...

– Так... это – острог, а здесь что?

– Брод, но им редко пользуются, около острога мост есть...

Глава 3

Июль 1125 года. Село Ратное.

За несколько дней до начала похода Младшей стражи на земли боярина Журавля

На следующий день боярин Федор с утра ускакал к себе на Княжий погост, пообещав Корнею через два-три дня вернуться в Ратное со своими тремя десятками ратников. Следом за ним уехали из Ратного новики, посланные сотником с вестью к воеводским боярам. Вместе с Алексеем в крепость отправился и Осьма – готовить товар и отроков к плаванию в Слуцк и Пинск.

Алексей только слегка ухмыльнулся, когда услышал, как в тороках, которые работник из лавки пристраивал на выючную лошадь, узнаваемо звякнул кольчатый доспех. Ухмылка эта вовсе не была насмешкой или высокомерием – старший наставник Младшей стражи просто отдавал должное разительному несоответствию внешнего облика Осьмы, никак богатырем, даже простым воином, не выглядевшего, и тем, как естественно, с заметной опытному глазу многолетней привычкой, купец носил на поясе меч и тяжелый боевой нож.

Когда всадники перебрались на другой берег Пивени и немного отъехали по лесной дороге, Осьма, прокашлявшись для начала разговора, поинтересовался:

– Ну, и как тебе боярин Федор?

– Боярин как боярин, – Алексей слегка пожал плечами, – не хуже и не лучше иных.

– Не лучше, значит... не любишь ты княжьих людей.

– Так не девки, чего их любить?

– А ведь ты и сам в нарочитых людях ходил, и в немалых...

– Я во всяких ипостасях обретался! – Алексей искоса глянул на Осьму. – Чего ты крутишь-то, спросить чего хочешь?

– Хочу, только ты не подумай чего, я к боярину Корнею со всем уважением...

– Осьмуха, кончай юлить! – Алексей сделал притворно грозную мину. – А то еще подумаю, что ты мне гнилой товар всучить пытаешься!

– Так товар-то, Лешенька, и впрямь, с гнильцой, да еще и заразный. Такой, знаешь ли, что князьи мытники, если дознаются, не только не пропускают, а еще и вместе с ладьей сжечь норовят. От греха.

– Да? И почему же продаешь?

– Дорогонько встанет, ох, дорогонько, и не серебром, а кровушкой, головами человеческими. Да и продаю не я... – Осьма прервался и ожидающе покосился на спутника.

Алексей паузу тянуть не стал и послушно задал вопрос, которого купец и дожидался:

– Кто?

– Корней!

– А-а, ты насчет того, что он одной сотней полоцким князьям всю их задумку поломать собирает? – Алексей усмехнулся с превосходством военного человека, знающего то, что недоступно пониманию торгаша. – Не знаешь ты, Осьмуха, Корнея и сотню ратнинскую не понимаешь! Знал бы ты, сколько раз они волюнциям вот такие же задумки ломали! Бывало, что и назад заставляли поворачивать еще до того, как из Турова подмога подходила...

– Да не о том я! – досадливо перебил Осьма. – Это-то ясно, и Корней, как я понимаю, в таких делах умелец изрядный. О другом речь. Ты заметил, что весь разговор шел так, будто князя в Турове и вовсе нет?

– Так его и вправду сейчас в Турове нет...

– Тьфу! Ну чего, Леха, ты дурнем-то прикидываешься?! Разговор шел так, будто князя в Турове **ВООБЩЕ** нет! Один раз помянули, что в степь с братьями ушел, и все, а про Свя-

тополчичей, которых Мономах изгоями⁶ сделал, то так, то сяк поминали, да еще и переглядывались между собой со значением. Или не заметил?

– Ну и что?

– А то! – Осьма поерзал в седле и глянул на Алексея, как учитель на непонятливого ученика. – Если бояре без князя нашествие отобьют, то на кой им князь? Князьям на то и подати платят, и бесчинства людишек их терпят, чтобы защищал, а если не может... понял меня?

– Это ты дурнем не прикидывайся! «Платят», «терпят», – передразнил Алексей себе-седника. – Да попробовали бы не платить и не терпеть, им бы так напомнили, кто в доме хозяин, что до конца жизни почесывались бы, если б, конечно, головы на плечах сохранили.

– Ну, не скажи, Леха, не скажи. Или не знаешь, что иным князьям, не только «путь указывали», но, бывало, и живота лишали?

– «Путь указывает» не боярство, а вече!⁷

– Ну что ты, как дитя?! Вече, вече... еще скажи «глас народа»! – Осьма презрительно сплюнул, но, глянув на Алексея, торопливо выставил перед собой ладонь и заговорил иным тоном: – Ладно, ладно! Были времена, когда вече и впрямь гласом народным глаголило, да только прошли те времена давным-давно. Когда народу не так уж много, когда все друг друга знают, тогда – да, вече. А теперь, когда города выросли, когда, скажем, в том же Турове многие тысячи людей, когда один горожанин на другого смотрит и не знает, свой это или посторонний... Нет, Леха, теперь это не вече, а так, видимость одна. Или не слыхал, как бояре горлопанов покупают, чтобы на вече орали не то, что думают, а то, за что заплачено? Или ни разу не приходилось слышать, что за боярином таким-то столько-то народу, а за таким-то столько-то? И это, по-твоему, «глас народа»? Девкой-то наивной не прикидывайся.

– Вот ты про какой товар с гнильцой говорил! Да, за такую «торговлю» и впрямь головами платят, – Алексей ухмыльнулся и подмигнул Осьме. – А не из-за этой ли «торговли» тебе от князя Юрия прятаться приходится? А, Осьмуха?

– Да не обо мне речь! Ну что ты, копитить-вертеть, непонятливый такой? Свято место пусто не бывает! Если туровское боярство силу за собой почует, так не просто князя погонят, а выбирать станут, кого на туровский стол позвать! Ну, дошло теперь?

– Хочешь сказать, что Корней с Федором думают сменить Вячеслава из Мономашичей на Вячеслава из Святополчичей?

– Так племянник же! И на Мономашичей зол! И...

– Ну, ты загнул! – перебил Алексей, но уверенности в его голосе не чувствовалось.

– Да ты же сам говорил, что Вячко Клецкий может полесское боярство поднять и возглавить! Для чего, ты думаешь, Корней с Федором надумали его в Пинск вызвать?

– Я говорил, что это глупость! И сейчас то же самое скажу! Туровские земли почти со всех сторон Мономашичами окружены, задавят!

– Но соблазн-то какой! Сами нашествие отбили, сами князя себе выбрали. Да поместное боярство только о том и мечтает!

– Опять бояре... – Алексей поморщился. – Только и думают, что о своей выгоде, а во что это оборотиться может...

– Боярин боярину рознь! – Осьма снова заговорил менторским тоном. – Это князьки людишки только и мыслят, чтобы урвать побольше с земли, да еще и от князя милости получить – им более жить не с чего! А поместное боярство в обустройстве земли заинтересовано,

⁶ Изгоями первоначально называли князей, лишившихся права на великое киевское княжение, впоследствии этот термин распространился и на князей, не имеющих своего удела.

⁷ Изгнание князя волей веча было не то чтобы распространенной практикой, но имело место неоднократно. Новгородцы, например, выгоняли даже самого Александра Невского, как, впрочем, и его отца тоже. Случалось такое и в Полоцке, и в Киеве, и в иных местах.

в неизменности порядка и в изжитии временщиков, которые сегодня здесь, а завтра вместе с князем в иное место подались. А после них – хоть трава не расти. А тут случай такой князю сказать: «Или ты правитель наш, или перекаати-поле. Если правитель, то совершай деяния правителя, в благополучии своей земли заинтересованного, а если перекаати-поле... так и катись! На тебе свет клином не сошелся!»⁸ После того, как полоцкое нашествие отобьют, у многих, знаешь ли, в головах кружение начнется.

– Его еще отбить надо, – Алексей на секунду задумался, а потом отрицательно pokrутил головой. – Нет, Корней муж умудренный, на такие дела не пойдет.

– Да ты подумай! Соблазн-то какой: племянник на княжьем столе, которому деваться некуда, а потому он по рукам и ногам повязан – хочет-не хочет, а советов будет слушаться и льготы, какие потребуют, даст. А еще...

– Хватит! – в тоне Алексея начала проскальзывать злость. – Что ты меня, как девку, уламываешь? Не верю я, что Корней на соблазн поддастся, не тот он человек. Боярин Федор... да, этот мог бы, но он без Корнея никто и ничто, ты сам вчера все видел и слышал.

– Ладно, нет, так нет! – неожиданно покладисто отозвался Осьма. – Нам же хлопот меньше. Слушай, Лещ, а расскажи-ка мне про Нинею, а то все: волхва, волхва, а я и не знаю ничего про нее.

– А я тоже почти ничего не знаю. Взял бы да навестил ее сам, оказал бы уважение, подношение какое-нибудь сделал, побеседовали бы...

– Ну уж нет! Чур меня! – Осьма мелко перекрестился. – Никифор, вон, сходил один раз, теперь за версту Нинеину весь обходить станет.

– Ну, это он сам виноват! А я – ничего: сходил, поговорили, обнадежила, что Саввушку вылечить можно. Зря ты так, Осьмуха, она не злая совсем. Строгая – да, мудрая – таких еще поискать, и... ну, волхва, одним словом.

– А о чем говорили-то? Кроме Саввы, конечно.

– Да как-то... – Алексей на некоторое время задумался. – Х-м, а знаешь, она-то почти ничего не говорила, это я ей, как-то так вышло, все про себя рассказал, даже такое, о чем и думать позабыл, даже такое, что и не рассказываю никогда... – Алексей удивленно уставился на Осьму. – Надо же! Я только сейчас и подумал... это ж она меня... м-да!

– Угу, а сам говоришь: «сходи», – Осьма задумчиво поскреб в бороде. – Вот так возьмет и вывернет наизнанку...

– Что, есть, что скрывать?

– У всех есть. А с чего ты взял, что она мудрая, если, как ты сказал, она почти ничего не говорила? – Купец нагнулся вперед и попытался заглянуть собеседнику в лицо. – Строгая, мудрая, чего-то ты еще про нее добавить хотел. С чего бы вдруг, если она все больше помалкивала, а ты один там распинался?

– Знаю и все! Чего ты прицепился-то?

Удивление у Алексея начало потихоньку сменяться злостью, Осьма это заметил и попытался успокоить собеседника:

– Да ладно, не горячись ты так, ну, выпросила, ну сам не заметил... на то и волхва. К попу-то на исповедь ходишь, и ничего.

– К попу, сравнил! Попы так не умеют... или умеют? Не слыхал?

– Греки точно не умеют, – ответил Осьма, – а наши, может быть, кто-то и может, но им нельзя – вера не позволяет... вроде бы. Покаяние добровольным должно быть.

⁸ По данным историков, поместное боярство действительно постоянно пыталось заполучить себе постоянного князя. Однако, как только эта цель достигалась, сразу же между князем и боярством начиналась борьба за влияние, в частности, выражавшаяся в том, что власть князя всячески пытались ограничить.

Некоторое время ехали молча. Алексей насупился и мял в кулаке повод, видимо переживая то, как обвела его волхва, Осьма деликатно помалкивал, время от времени испытующе поглядывая на спутника, ожидая, когда тот немного успокоится и можно будет продолжить разговор. Однако Алексея, видимо, «зацепило», он пробормотал:

– Вера не позволяет... а ей, значит, позволяет... – и погнал коня размашистой рысью. Осьме не оставалось ничего другого, как пуститься вслед за ним.

Алексей держался в седле с обманчивой небрежностью истинного мастера, казалось, едва касаясь стремян носками сапог – сказывалась степная школа, Осьма, несмотря на мешковатость телосложения, тоже в ритм скачки взлетал над седлом так, словно чудесным образом утратил половину своего веса. Так бы, наверно, и скакали, пока не пришла бы пора перейти на шаг, давая роздых коням, но со стороны вьючной лошади начал доноситься какой-то ритмичный звук – то ли работники что-то плохо уложили в тороках, то ли плохо закрепили саму поклажу. Осьма только время от времени оглядывался, с выражением досады на лице, но не просил Алексея остановиться – ждал, пока быстрая скачка развеет дурное настроение спутника. Дождался он как раз обратного – Алексей осадил коня и буркнул:

– Не слышишь, что ли? Скотину бы пожалел, намнет же спину... – помолчал немного, дождавшись, пока купец, неразборчиво ворча под нос, оправит сбрую, и спросил. – Ну, чего еще узнать хочешь? Вижу же, что хочешь.

– Тут такое дело, Леша, – Осьма с притворным кряхтением поднялся в седло и излишне внимательно принялся разбирать поводья, – ты бы не горячился. Понимаешь, ты – воин, твое дело воевать, я – купец, мое дело торговать...

– А Ниня – волхва, – перебил Алексей – ее дело волхвовать! Но мы с тобой еще и христиане, а потому волхвование...

– Да погоди ты! Волхвование, волхвование... много тебе вреда с того волхвования было? Она в глуши живет, появился новый человек, она его и расспросила... гм, по-своему, конечно. А как ей еще узнавать, что в мире творится?

– Ага, заботливый ты наш, чего ж сам-то к ней не идешь, тоже, наверно, новостей кладезь?

– Ой, ну перестань ты, коптить-вертеть! – Осьма, утвердившись, наконец, в седле, тронул коня шагом. – Лучше вот что мне скажи: не возникало ли у тебя, после разговора с ней, каких-то желаний неожиданных? Ну... – Осьма поколебался, подбирая слова, – как будто что-то толкнуло изнутри или голос какой-то подсказал.

– Ты что, хочешь сказать...

– Да ничего я не хочу сказать! Просто припомни. Ну, скажем, ты вот крест Лисовинам целовал. Это у тебя как-то неожиданно случилось или обдуманно?

– Не попал, Осьмуха! Я об этом еще, когда сюда ехал, размышлял, а про волхву тогда и не ведал ничего.

– Угу. А что-нибудь другое... так, чтобы не думал – не гадал, а вдруг само выскочило?

– Я, не думая, ничего не делаю! Отучила жизнь! Или сам не таков? А?

– Ну... как тебе сказать? – Осьма слегка пожал плечами. – Жизнь, она, конечно, думать приучает. Значит, ничего такого за собой не замечал?

– Нет же, говорю тебе!

– А если Анну поспросить? Со стороны-то виднее...

– Осьмуха!!! Я те сейчас так поспрошаю!

– Да что ж ты, коптить-вертеть... я же не любопытства ради!

– А мне как раз любопытно: если тебе в ухо дать, сразу наземь сверзишься или добавлять придется?

– Леха!..

Договорить Осьма не успел, пришлось нырять под летящий, как и было обещано, прямо в ухо, кулак. Увернуться-то Осьма увернулся, но Алексей, неплохо знакомый с играми степных наездников, захватил одежду купца так, что натянувшаяся ткань пережала тому горло, и попытался выдернуть Осьму из седла. Сопротивляться было просто-напросто бесполезно, и Осьма послушно сполз с конской спины, но в последний момент вцепился в Алексея, как клещ, и потянул его: вниз, используя свой немалый вес, и в сторону, умудрившись упереться коленом в бок Алексеева коня. Конь, столкнувшийся с подобным обращением впервые в жизни, испуганно прынул в сторону, и оба борца грянулись на дорогу. Осьма, оказавшийся при этом снизу, только хекнул, выпустив из груди остатки воздуха.

Дальше у купца и вовсе не было ни малейших шансов: он только и успел дважды хватить разинутым ртом воздух, а Алексей уже перевернул его на живот, уселся сверху и принялся тыкать противника лицом в дорожную пыль.

– Ешь землю, червяк! – тычок в затылок. – Забыл, с кем разговариваешь? – еще один тычок. – Анюту тебе поспросить...

Осьма неожиданно, на манер норовистого коня, вскинул задом и чуть не сбросил с себя Алексея, но почувствовав, что маневр не удался, повернул голову, чтобы не тыкаться лицом в землю, и возопил голосом гулящей девки:

– А-а-а! Ладно, ладно!.. Ой!.. Уболтал, черт языкастый!.. Я тебя тоже люблю!

Алексей фыркнул и ослабил хватку, купец тут же воспользовался представившейся возможностью и шустро выбрался из-под противника. Оба уселись посреди дороги напротив друг друга и дружно, словно долго репетировали, сплюнули набившуюся в рот пыль, а потом, так же синхронно, утерлись рукавами. Алексей, глядя на чумазую рожу купца, улыбнулся, а Осьма, вытаскивая из бороды сухую сосновую хвою, пробурчал:

– Как дети малые, коптить-вертеть. Видели б твои отроки...

– Ага! – поддержал Алексей. – А слышали бы, как ты, ровно баба, блажишь...

– Тут заблажишь! – Осьма еще раз утерся, размазывая по лицу грязь, и сокрушенно глянул на разом почерневший рукав рубахи. – Не одну ты, видать, бабу таким манером... очень уж у тебя убедительно получилось.

– Что убедительно? – не понял Алексей.

Осьма в ответ заломил перед собой руки, блудливо повел глазками и поведал, имитируя женские интонации:

– Лежу я себе и думаю: вроде бы и не баба, но... то ли тебя бес попутал, то ли я сам не все про себя знаю? И так, знаешь ли, томно мне сделалось...

Оба заржали так, что кони, поведя ушами, на всякий случай отшагнули от двух хохочущих посреди дороги, вывалянных в пыли и засохшей хвое, мужиков.

Осьма, громко фыркая, закончил умываться и принялся сгонять ладонями воду с волосатой груди.

– Ух, хорошо!

– Да, это хорошо... – рассеянно отозвался сидящий на берегу ручья Алексей, задумчиво разглядывая поднятую на вытянутых руках грязную рубаху. – Тебе... гм, небаба, хорошо, у тебя запасная одежда в тороках лежит, а мне как ехать? – Алексей сменил позу и глянул на рубаху под другим углом, словно надеясь, что так она будет выглядеть чище. – Или простирнуть? Так в мокрой тащиться неохота.

Старший наставник Младшей стражи встряхнул рубаху, убедился, что от этого лучше не стало, и впал в глубокую задумчивость.

– Да-а, вот Аннушка-то удивится: грязные, морды поцарапанные и трезвые! – Осьма звонко прихлопнул на шее какую-то летающую живность и подвел итог своим рассуждениям. – Аж противно!

- А у тебя с собой нет? – слегка оживился Алексей. – Тогда бы в самый раз!
- Нет, – Осьма покаянно развел руками. – Не подумал.
- Ну... – Алексей безнадежно вздохнул, – тогда придется стирать. Ничего, на солнышке подсушим, гляди, как жарит, а до крепости уже недалеко, до темноты поспеем.
- Поспеем, если кровососы не зажрут, – Осьма снова звонко шлепнул сам себя и принялся выковыривать из могучей поросли на груди раздавленную мошку.

Выстиранные рубахи мирно висели рядышком на кустах, а их хозяева сидели на берегу ручья и вяло отмахивались ветками от комаров и прочей мошки.

- Леха, здесь что, болото близко, откуда этой гадости столько?
- Нет тут никакого болота, просто Велесов день⁹ скоро, чуют кровососы последние деньки, вот и лютуют.
- Ну уж и последние... пока еще холода наступят...
- Ну, тогда не знаю...
- Слушай, Леха, а какие у волхвы дела могут быть с княгиней Ольгой?
- И этого не знаю... и никто не знает. А тебе-то что?
- Да понимаю я, что не знаешь, но, может быть, мысли какие-то есть? Странно же – волхва и княгиня Туровская. Не вяжется как-то...
- Не лез бы ты, небаба, в эти дела, а то придется опять, как из Ростова, смываться.
- Леха, Христом Богом прошу: не ляпни свою «небабу» при ком-нибудь. Привяжется же, не отстанет!
- Ладно...
- И все-таки... волхва и княгиня... и княгиня-то не наша – из ляхов. Дурь какая-то...
- Вот и не лезь, мозги вывихнешь, вправлять потом намучаемся.
- Да я ж не для себя! Ты что, не понимаешь? – Осьма зло отмахнулся от мошкар и повернулся всем телом к Алексею. – Если у княгини с волхвой какие-то дела, а Корней и впрямь надумает вместо ее мужа в Турове Вячеслава Клецкого посадить, то Ниня же язычников против нас поднимет! Ты понимаешь, что начаться может?
- О как! – сонную расслабленность с Алексея как ветром сдуло. – А ведь и верно! Хотя... но не может же волхва славянская Рюриковичей защищать?
- А не один ли хрен? Два Вячеслава, и тот и другой Рюриковичи. Нет, Леха, у нее тут какой-то иной интерес должен быть!
- Ну а нам-то с того интереса что?
- Ругаться нам с волхвой нельзя, она единственная, кого, как я понимаю, Корней по-настоящему уважает и, при случае, мнением ее не пренебрежет! Если же Корней в этакую дурь все же понесет, то Ниня последним средством станет, чтобы его остановить. Так что, Леха, ты на нее хоть и обиделся, но виду не показывай, мало что, еще пригодиться может.
- М-да... не зря тебя Осмомыслом прозвали...
- Ну вот, а ты: небаба, небаба...

Со стороны дороги вдруг донеслось конское ржание, на которое отозвался жеребец Алексея, следом, через некоторое время, донеслись звуки, которые сопровождают всадника, продирающегося через подлесок. Здесь – на пути между Ратным и Нинейной весью – опасаться как будто было и некого, но Алексей мгновенно схватил меч и до половины вытащил его из ножен, а Осьма, подхватив пояс с оружием, колом откатился за ближайшую елку, выбрав место так, что, если Алексею придется вступить в схватку, можно будет напасть на его противника сзади.

⁹ Велесов день – 6 августа по старому стилю. Праздновался как день окончания жатвы.

Лапы молодых елочек ширкнули по голенищам сапог, и на берег ручья выехал десятник Анисим.

– Здрав будь, Алексей!

Анисим остановил коня, покосился на елочку, за которой спрятался купец, и позвал:

– Осьма!.. Осьма, ау! Спрятался-то ты хорошо, но слышно, как чешешься! Здрав будь, вылезай!

Осьма со смущенным видом вылез из-за елки.

– Здрав... – купец звонко шлепнул себя по плечу – ...будь и ты. Никак за нами гнался? Случилось чего?

– Да нет, ничего такого особенного... – Анисим пожал плечами. – Корней мне посоветовал наставником в Воинскую школу пойти. Я завтра ехать собирался, а тут смотрю: вы поехали, ну, думаю, заодно... по пути...

– Да ты слезай, присаживайся, – радушно пригласил Алексей. – Сейчас рубахи подсохнут и поедем. Наставником, значит?

– Ага, – Анисим спешил и принялся оглядываться в поисках места, где можно было бы присесть. – А вы, я вижу, искупаться надумали... и постираться... чего на полпути-то?

– Да так, знаешь ли... жарко, пыльно... – Осьма опять шлепнул себя ладонью. – Леха! А может, в сырых поедем? Совсем зажрали, аспиды!

– Ой, нежный ты какой, Осьмуха! А еще небаб... – Алексей осекся и преувеличенно тщательно расправил усы. – Ну хочешь, дымокур разведем? Неохота мокрым ехать.

Через некоторое время на берегу ручья задымили гнилушки, Осьма залез в самый дым, изредка покашливал и вытирал слезящиеся глаза, но в сторону не отходил. Алексей посматривал на него с ухмылкой и одновременно слушал объяснения Анисима.

– Новый десяток мне к Велесову дню не собрать, тут и времени осталось-то всего ничего, а в Младшей страже я ребяток подберу, сам выучу, выпестую... хороший десяток получится. Все равно в сотне новиков совсем мало, а тут целый десяток, а то и полтора. Только, Леш, ты помоги мне ребятешек подобрать, чтобы телом покрепче были, а умствованиями не увлекались бы – не получается у меня с умственными...

– А глупых у нас нет. Мы же их не только воинскому делу учим, но и грамоте, наукам всяким.

– Да? – Анисим в затруднении полез скрести в бороде. – Но не все же одинаково к наукам способны, и школа-то воинская, а не... это самое... ну, не монахов-книжников учите.

– Да, не монахов... Так, значит, ты к нам временно – только десяток себе собрать? А с чего ты взял, что Воинскую школу создали для того, чтобы десятники, своих десятков лишившиеся, могли бы себе людей, как скотину на торгу выбирать?

– Так... а как же еще? Выучатся ребятки, придут в сотню, их по десяткам и разберут. Как иначе-то? И при чем тут скотина? Это ж воины, я и сейчас уже к ним с уважением... ну, не как к зрелым мужам, конечно, но и не как к детишкам несмышленным.

– С уважением, значит, но чтобы не умствовали... – Алексей задумчиво покивал. – Осьмуха! Я всяких купцов навидался, а вот копченого еще ни разу! Может, тебя на веревочке над костерком подвесить, чтоб еще и зарумянился?

– Осиновой головней потыкать надо, – со знанием дела добавил Анисим, – от этого чешуя золотистой становится, только аккуратненько, не перебрать, а то...

– Себя в задницу головней потыкай, или где у тебя там чешуя растет... – сердито отозвался Осьма. – Леха, пощупай, может, уже подсохло?

– Да чего ж ты так мошкары боишься? Вроде бы и жрут-то не так чтобы сильно... – Алексей небрежно помахал веточкой вокруг себя. – У тебя же запасная одежда есть – оденься.

– Неохота выходную рубаху трепать, она у меня шелковая, золотом шитая. А насчет мошкеры... случай у меня был... не приведи Господь... врагу не пожелаю.

– Ну-ка, ну-ка, что за случай? – заинтересовался Алексей. – Поведай-ка, все равно сидим.

– Было дело, – не стал ломаться Осьма, – поймали меня тати. Надо было им узнать: когда караван с богатым товаром пойдет и через какое место. Тюкнули меня на постоялом дворе по затылку, да в лес уволокли, но ни резать, ни жечь не стали – главарь у них, вот как ты, Анисим, говоришь, умственным оказался. Велел меня голого к дереву привязать, а прямо под этим деревом муравейник был. Здоровущий – чуть не по пояс высотой. Поворошили муравейник палкой, чтобы, значит, мурашей разозлить, а главарь мне толкует: «Или рассказываешь нам, все, что знаешь, или... у мурашей праздник нынче случится – обжираловка».

– И что? Рассказал? – Анисим живо заинтересовался историей Осьмы, даже рот слегка приоткрыл.

– А то сидел бы я тут с вами! – Осьма поскреб ногтями грудь и снова начал выбирать что-то из волос. – Потерпел сперва, сколько смог, а потом рассказал все... почти. А еще взялся место для засады указать – что хочешь готов был сделать, лишь бы от того дерева отвязаться, мураши-то уже до самого... этого самого добрались...

– Неужто отгрызли?! – в притворном ужасе воскликнул Алексей.

– Тьфу на тебя! Сам бы попробовал! – Осьма, и вправду, сплюнул, но не Алексея, а в сторону. – Отгрызли... да от одного только ползанья волосы дыбом поднимаются... везде, где растут.

– О! То-то ты мохнатым тогда сделался! – не унимался Алексей. – Тати-то не испугались?

– Не любо – не слушай! – обиделся Осьма. – Сам рассказать просил...

– Ладно, не обижайся! Это я так – чтоб веселее, а то такие ужасы вещаешь, даже у меня все зачесалось. Чего дальше-то было?

– Чтоб веселее, чтоб веселее... мне тогда сильно весело было, коптить-вертеть...

– Что дальше-то было? – Анисим махнул рукой на Алексея. – Не мешай, Леха!

– Дальше привел я татей на нужное место. Караван тоже пришел вовремя, тати его остановили, к возам кинулись...

– Ну, и?

– Я же говорю: рассказал татям все, но ПОЧТИ. А «почти» было то, что вместо товара в возах дружинники князя Юрия Владимировича оказались. Жаль, главарь смерть легкую принял – от меча... Так уж мне хотелось его к тому дереву привязать... не довелось. А я с тех пор, как почувствую, что по мне ползает кто-то... аж корежит всего. Вот так-то, други любезные.

Помолчали. Каждый по-своему осмысливал услышанное. Анисим задумчиво уставился на тлеющие гнилушки дымокура, Алексей испытующе поглядывал на купца, вдруг представившегося ему в несколько ином свете, а Осьма, нахмурившись, почесывался и отгонял дым от лица. Первым нарушил молчание Алексей:

– Получается, тебя не просто так на постоялом дворе по затылку тюкнули – сам подставился. Пьяным притворялся, язык распускал... так?

– Ну... где-то так...

– Тебя ж убить могли! – «прозрел» наконец Анисим. – Самому себя на пытки отдать... да как же ты согласился-то?

– Надо было! От тех татей столько народу сгинуло... не зря же у них вожак умственным был... не изловить было иначе. Пробовали по-всякому – не выходило никак. А вожак, слышь, Леха, из боярской семьи оказался – отец его по молодости из дому выгнал и проклял. За что, не знаю, но видать, за дело. Это тебе к нашему разговору о боярах.

– А тебе, Осьма, к нашему разговору о князьях... Да за такое озолотить мало, а ты в бегах! Вот она княжья милость да справедливость! Что Юрий Суздальский, что Ярополк Переяславский... хрен редьки не слаще. Все одинаковые!

– Ну, не скажи, Леш, не скажи... меня за то дело Юрий Владимирович... не обидел, в общем. И потом... приблизил, совета спрашивал. И князья не все одинаковы. Князь Юрий¹⁰ в Украине Залесской прочно обустроивается: татей изводит – пути безопасными делает, новые городки закладывает, народцы тамошние – мерю, буртасов и прочих – приструнивает. Он и стол-то в Суздаль перенес, чует мое сердце, чтобы поближе к буртасскому Бряхимову городку быть – больно место для торговли удачное.¹¹ И сведения о сопредельных землях собирает, я для него в каждый большой караван своих людишек... м-да. Разные князья, Леха, разные. А что в бегах, то это... иное дело и иной разговор.

– А что за дело-то? – жадно спросил Анисим.

– Знаешь, Осьма, а чесотку-то твою вылечить можно, – Алексей мгновенно нашел способ увести разговор от скользкой темы. – Она же у тебя не телесная, а... гм, умственная – след того страха, который тебе перенести довелось. Наверняка волхва с этим справиться способна. Саввушку-то моего она тоже от пережитого страха лечить взялась.

– Нет уж, перетерплю как-нибудь. Не каждый же день в лесу телешом сидеть приходится, а зимой так и вовсе благодать, – Осьма замахал руками на собирающегося что-то сказать Алексея. – И с дитем напуганным меня не равняй, я сам кого хочешь напугать могу... ежели для дела понадобится.

– Ну, как знаешь...

– Так ты княжьем ближником был? – все не мог уговориться Анисим. – А чего ж тогда...

– Да, сурово это с муравейником-то... – опять перебил Алексей. – У меня вот тоже одного половцы поймали. Привязали к коню и погнали вскачь, так и волочился по земле, пока мясо с костей не соскобилось.

– Половцы вроде по-другому казнят, – удивился Осьма. – Глаза выкалывают и бросают посреди степи.

– Это они своих так, кто сильно провинится – вроде бы и не убивают, но все равно смерть. А с чужими – кто во что горазд. Мы тоже, бывало, развлекались... Было у меня два любителя – братья родные – такое вытворяли... Потом их свои же кончили, не стерпели, хотя народец у меня вовсе не нежный подобрался, да и не умственный, тоже. Но всему же предел должен быть. Так что, если бы ты того татя к муравейнику привязал – поделом, пусть бы сам попробовал.

– Леха, а ты, значит, с волхвой знакомство свел? – Анисим наконец-то отцепился от Осьмы. – Слушай, а меня к ней сводить можешь?

– Д-дурак... – вполголоса пробормотал Осьма.

– Смотря зачем, – ответил Анисиму Алексей – если ты на нее только как на диковинку поглядеть желаешь...

– Нет-нет-нет! – замахал руками Анисим. – Что ты! Дело у меня к ней, я давно собирався, да неловко как-то самому, а ты с ней знаком, ну и...

– А Настена-то не может тебе помочь? Говорят, что она не слабее...

– Да ну ее... – Анисим досадливо поморщился. – Надсмеялась да прогнала... заноза. Взять бы ее, да вместе с дочкой...

¹⁰ Еще раз напомню: речь идет о Юрии Долгоруком.

¹¹ Бряхимов (Ибрагимов) городок. По летописным данным, на его месте в 1221 году внуком Юрия Долгорукого был основан Нижний Новгород.

– Во-во! Ты это Михайле расскажи, особенно про дочку! – неожиданно развеселился Осьма. – Он тебе, кроме тех девяти отверстий, что Господь Бог в человеках проделать изволил, десятое проковыряет. Болтом самострельным! И место хорошее подберет, не сомневайся, он парень умственный, как раз такой, каких ты любишь!

– Врешь, Осьмуха, у баб дырок больше! – подключился в тон купцу Алексей.

– Ага! Я же и говорю: место хорошее подберет! И станешь ты, Анисим, бабой... – Осьма мечтательно прикрыл глаза. – Сиськи вырастут, борода облезет... И к волхве ходить не надо, Михайла сам управится!

Анисим обиженно насупился и молча уставился себе под ноги.

– Ну вот, надулся, коптить-вертеть! – Осьма пихнул Анисима в бок. – Будет тебе, шуток не понимаешь?

– Шуточки вам все... а у меня жизнь вся наперекосяк идет!

– Что, так плохо? – участливо поинтересовался Осьма. – Болезнь какая-то?

– Да нет, здоров я, – Анисим тяжело вздохнул. – Тут другое дело. Удачливости бы мне, хоть немного. Казалось бы, все хорошо, все, как у всех, а как-то так выходит все время...

Анисим говорил, не поднимая глаз и не глядя на собеседников, те тоже примолкли, Осьма даже перестал почесываться.

– Поп говорил, что Христа в тридцать три года распяли... мне тоже тридцать три. Стал десятником, хозяйство доброе, детишек четверо выжило... троих-то Господь прибрал... а все не так! Десяток от меня ушел, из детей только девки выжили, хозяйством с братьями делиться надо. И всю жизнь такое творится! Только-только все хорошо устроится... и бац! Как сквозь пальцы удача уходит! Вот и сейчас: ты, Леха, думаешь, я не заметил, что тебе мое желание десяток из Младшей стражи набрать не понравилось? Все я заметил! И ты – старший наставник, мимо тебя – никак! А ведь как хорошо могло выйти! Опять удача мимо прошла!

Осьма скорчил рожу и подмигнул Алексею, тот понимающе покивал.

– Вот я и думаю, – продолжал Анисим, – может быть, мне волхва удачу привадить поможет? Нет, вы не подумайте, я язычеством не опоганился – посты блюду, к исповеди и причастию хожу, на церковь жертвую, но... не помогает же! Ну, схожу разочек к волхве... отмолю грех потом – не смертный же!

– Не смертный, – подтвердил Осьма, – но проистекает от смертного, от греха уныния. Семь грехов потому смертными и называются, что от них иные грехи проистекают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.